

А. БУШКОВ

Мушкетеры

Том 2. Тень над короной
Франции

ОЛМА МЕДИА ГРУПП

Александр Александрович Бушков
Мушкетеры. Том 2. Тень над короной Франции
Серия «Мушкетеры», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
Мушкетеры. Том 2. Тень над короной Франции: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2011
ISBN 978-5-373-03048-9

Аннотация

Не секрет, что в «Трех мушкетерах» А. Дюма искажил настоящую историю Франции. Александр Бушков перепроверил все факты и описал жизнь мушкетера, опираясь на реальные исторические события времен правления Людовика XIII.

Книга также выходила под названием «Д'Артаньян, Гвардеец Кардинала».

Содержание

Часть третья	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	25
Глава четвертая	34
Глава пятая	44
Глава шестая	50
Глава седьмая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Бушков

Мушкетеры. Том 2. Тень над короной Франции

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Мушкетеры» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© Бушков А., 2002

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011

* * *

Часть третья Солнце и тени

Глава первая Неожиданная встреча

Вздохнув про себя, он приготовился расстаться еще с сотенкой пистолей – ничего не напишешь, чтобы вырваться из лап полиции, не следует скупиться... Да и письма форменным образом жгли грудь под камзолом.

Он вновь вынул кошелек, но на сей раз принялся высыпать из него монеты скуп и расчетливо, без лишнего бахвальства.

Высокая массивная дверь вдруг распахнулась – такое впечатление, даже не от энергичного движения руки, а от доброго пинка. В комнату как вихрь ворвался пожилой невысокий человечек, дородный и румяный, как истый фламандец. Одежда на нем была довольно скромная, уступавшая нарядам обоих бальи, а на поясе не имелось шпаги – но служители закона мгновенно вытянулись, словно исправные солдаты на ротном смотре, старший бальи вскочил...

Вслед за пожилым вошел второй, одетый, как французский дворянин, при шпаге, в надвинутой на лоб шляпе – и скромно остановился поодаль. Пожилой, оперев руки в бока, тяжело ворочая головой на толстой шее с видом бодливого быка, никак не решившего пока, за кого из пастухов взяться первым, долго рассматривал служителей закона с грозным, не сулившим ничего доброго выражением лица, потом открыл рот...

– Бре-ке-ке-кекс!

– Ке-ке-ке-брекс...

– Нидер-вилем-минхер-фламен!

– Минхер-фламен-вилем-нидер...

Интонации были самые недвусмысленные, понятные д'Артаньяну. Неведомый гость ругал полицейских на чем свет стоит, а они лишь осмеливались на то, чтобы вставить порой почтительное словечко да попытаться что-то робко объяснить, но их слова, сразу видно, ничуть не убеждали пожилого, и он, разойдясь, орал уже во весь голос, брызгая слюной, грозя кулаками, определенно обещая обоим множество самых неприятных сюрпризов... его спутник шагнул вперед, поднял руку в замшевой коричневой перчатке и бросил на стол перед старшим бальи два листа бумаги, в которых скосивший глаза д'Артаньян моментально узнал свою дорожную и письмо к статхаудеру, рекомендовавшее «шевалье де Лэга» записным гугенотом и другом Нидерландов с младенческих пеленок...

И возликовал про себя, видя, что дело его выиграно, а также радуясь, что сберег отцу сотню необходимых в хозяйстве пистолей.

Все было в совершеннейшем порядке – старший бальи (успевший при вторжении незнакомца куда-то спрятать деньги с проворством фокусника) выскочил из-за стола, кланяясь д'Артаньяну:

– Вы свободны, ваша милость! Как ветер! Бога ради, не сердитесь на нас, скудоумных! Нами двигали исключительно благородные мотивы защиты отечества от испанских шпионов, и мы сразу поняли, что дело нечисто. Откровенно говоря, этот иезуит мне сразу показался подозрительным, и я немедленно прикажу ловить его по всему Зюдердаму...

Д'Артаньян, держась с грацией и величавостью истого вельможи, повел рукой:

– Пустое, господин Ван дер... Не стоит извинений...

И побыстрее направился к двери, пока, не дай бог, обстановка не изменилась столь же волшебным образом, но в гораздо худшую сторону. Младший балли, семена и сгибаясь в поклоне, догнал его, зашел слева:

– Вы изволили уронить, ваша милость... – прям-таки пропел он, протягивая на ладони два утаенных золотых.

Д'Артаньян небрежно, двумя пальцами отвел его ладонь:

– Любезный, сыну великого короля не подобает держать в руках золото, валявшееся на полу... Оставьте себе.

И вышел на площадь перед ратушей. Неподалеку стоял Планше, улыбаясь во весь рот и держа в поводу двух лошадей, свою и д'Артаньяна, а рядом с ним, тоже при двух лошадях, стоял высокий пожилой человек, судя по одежде, слуга из богатого дома, седой, но крепкий на вид.

Рядом раздались уверенные шаги, и перед д'Артаньяном остановился незнакомый дворянин.

– Позвольте вас поблагодарить, сударь, – начал гасконец. – Не знаю, кто вы такой, но вы явились как раз вовремя... Как ваше имя?

– Анна, – послышался звонкий голос.

Рука в коричневой кожаной перчатке сдвинула шляпу на затылок. И д'Артаньян форменным образом остолбенел, словно персонаж из Библии, кажется, Плот.

Перед ним стояла очаровательная блондинка из Менга – в мужском костюме для верховой езды, со шпагой на перевязи, с заправленными под шляпу волосами. Большие голубые глаза, столько раз срывшиеся гасконцу по ночам, смотрели лукаво и озабоченно.

– Это вы, миледи? – пробормотал он в совершеннейшей растерянности, тут же уступившей место несказанной радости. – Или ваш призыв?

– Я. Господин Арамис! – легонько топнула она ногой. – Долго вы еще будете тарашиться на меня с глупейшей улыбкой? Немедленно в седло! В этом городе для нас всех становится чересчур жарко...

Подавая пример, она вставила ногу в стремя и уверенно взмыла в седло, повернула коня так резко, что короткий испанский плащ взметнулся за спиной, как пламя. с трудом опомнившись, д'Артаньян вскочил на своего английского жеребца и пустил его размашистой рысью, торопясь за девушкой. слуги поскакали следом.

В переулке неожиданно промелькнула знакомая фигура Атоса с маячившим за его плечом унылым Гримо. Как ни хотелось д'Артаньяну вновь скрестить шпагу с мушкетером, он смирил себя – момент был самый неподходящий. Они успели лишь встретиться взглядами – и горячий жеребчик пронес гасконца мимо. Пожалуй, в Зюдердаме для него и в самом деле становилось жарковато, так и припекало под ногами...

Он догнал Анну, и их кони пошли голова в голову по набережной очередного канала. Душа д'Артаньяна была переполнена разнообразнейшими чувствами, в которых он от растерянности не пытался разобраться вовсе, но если все же попытаться выразить одной-единственной фразой переживания, терзавшие впечатлительную душу молодого гасконца, то сводились они к нехитрой, в общем, истине – он был на седьмом небе, и душа его пела...

Как он ни вглядывался, не мог различить ничего, кроме нежной щеки и розовых губ – низко надвинутая шляпа скрывала все остальное.

– Нахлобучьте шляпу пониже, – распорядилась Анна, не поворачивая головы. – Вас могут узнать, а это совершенно ни к чему.

– Там, в переулке, был Атос, он-то меня определенно узнал...

– Ну, это не так уж страшно, – откликнулась она после короткого раздумья. – Главное, они все еще не поняли, что вы и «Арамис» – одно и то же лицо, а это дает нам неплохие шансы...

– Нам? – радостно переспросил д'Артаньян.

– Вот именно. Я возвращаюсь во Францию с вами... если вы не имеете ничего против моего общества.

– Помилуйте, Анна! – воскликнул он протестуя. – я только рад... Боже мой, вот это сюрприз! Рошфор мне ни словечком не заикнулся, что вы тоже здесь...

– Значит, у него были к тому причины.

– Однако, как мне повезло, что вы по счастливой случайности явились в решающий момент...

Анна чуть повернула к нему голову, ее мелодичный голос звучал чуть насмешливо:

– Любезный шевалье, когда речь идет о кардинальской службе и выполнении поручений монсеньёра, случайностям нет места, тем более в этом деле...

– Значит, вы...

– Я должна была вмешаться, если потребуется. По-моему, момент был самый подходящий, вам пришлось плохо...

– Да что вы! – сказал д'Артаньян, к которому вновь вернулось извечное гасконское бахвальство. – собственно говоря, к тому времени, как вы появились, я их уже свернул в бараний рог, купил с потрохами и принудил к повиновению...

– Кто бы сомневался...

– Вы что, не верите? Клянусь небесами, я с ними управился, как с болванами...

– Я верю, верю... Вот, кстати, что это за странный обрывок разговора я слышала при вашем с ними расставании? О каком это сыне великого короля шла речь?

– Я вам потом расскажу, при удобном случае, – заверил д'Артаньян, покраснев. – Это одна из моих коварных уловок, которая сработала просто великолепно... Анна... Я не могу поверить, что вы здесь, со мной, и мы вот так запросто скачем бок о бок...

Она, наконец, подняла голову, и в голосе зазвучало неподдельное женское кокетство:

– Я вам успею еще надоесть, шевалье, нам еще несколько дней ехать вместе, до самого Парижа...

– Вы? Мне? Надоесть? – От волнения он потерял нить разговора. – Да это невозможно... с тех пор, как я вас увидел впервые, в Менге, вы стоите у меня перед глазами...

Девушка тихонько рассмеялась:

– Вы хотите сказать, что соизволили меня запомнить? Видевши один раз и мельком?

– Вы из тех, кого невозможно забыть, Анна...

– Даже после всех ваших походов в Париже и побед над столькими красотками, от очаровательной трактирщицы Луизы до Мари де Шеврез?

Д'Артаньян почувствовал, как запылали у него кончики ушей. Воровато оглянувшись на слуг, отстававших на три корпуса, он растерянно пробормотал:

– Кто вам рассказал эти глупости...

– Тот, кто был неплохо осведомлен о ваших славных свершениях на тех полях, где вместо валькирий порхают амурсы...

– Вздор, – сказал д'Артаньян. – сплетни, злые языки... Все это время я думал только о вас...

– Почему вдруг? – спросила она с той восхитительной наивностью, что женщинам дается так легко, а мужчин повергает в полнейшую растерянность. – У вас было столько возможностей, чтобы выбросить из головы скромную путешественницу...

Д'Артаньян был уже не тот наивный и робкий юнец, что пару месяцев назад пустился в путь из Тарба, не сделав на этом свете ровным счетом ничего примечательного. И он решился.

– Потому что я люблю вас, – сказал он из-под надвинутой на лицо шляпы, и это далось тем легче, поскольку он не видел ее лица, ее глаз и мог притвориться, что говорит с самим

собой или с воображаемым предметом страсти неземной, как это частенько случается в сладких грезам.

Девушка рассмеялась:

– Самое подходящее место для объяснения в любви – пустынный берег скучного канала, шпионская поездка...

– Это звучит, как стихи, – сказал расхрабренный д'Артаньян. – Пустынный берег скучного канала...

– Вы, часом, не пишете стихи?

– Нет, – честно признался гасконец. – я их и не читал-то почти. Однажды, честно, попробовал сочинить... О вас.

– И что у вас получилось?

– Вы будете смеяться.

– Честное слово, и не подумаю.

– Правда?

– Честное слово, я же сказала.

– Как это ни странно, я люблю вас, Анна... – осмелился предать гласности свой единственный опыт версификации д'Артаньян.

– А дальше?

– А дальше у меня не получилось, как я ни бился, – убитым голосом сознался д'Артаньян. – Не выходит, хоть тресни...

– Должно быть, все оттого, что я не внушаю вам достаточно сильных чувств... – сказала она.

– Как вы можете так думать! Просто я... Я, честно говоря, не получил никакого образования, в нашей глуши неоткуда было взяться поэтам... Вы – другое дело, вы ведь живете в Париже...

– Детство и юность я провела большей частью в Лондоне. Так сложилось. Но вы правы, там тоже достаточно поэтов...

– Это у англичан-то? – изумился д'Артаньян. – Вот уж в чем их не подозревал, так что в сочинении стихов!

– И совершенно зря. Хотите послушать, что сочинил однажды для меня один английский поэт?

– Пожалуй, – буркнул он недоверчиво. – Посмотрим, на что они там способны...

Анна, сдвинув шляпу и открыв лицо легкому ветерку, резвившемуся над каналом, напевно, мечтательно продекламировала:

– Блаженная пора признаний затяжных!
Красотки до утра готовы слушать их.
А кто любви урок покамест не постиг –
Пускает в ход намеки, зовет на помощь стих.
Хоть лето – мать утех, зиме свои под стать:
Любовь – игра, доступная для всех,
Чтоб ночи коротать...

Что скажете?

– Неплохо для англичанина, – великодушно признал д'Артаньян. И тут же осведомился ревниво: – Должно быть, он ухаживал за вами?

– Шевалье... Он был гостем моего отца. Мне тогда было четырнадцать лет, а ему – пятьдесят...

– А, это другое дело, – мгновенно успокоился д'Артаньян. – Пятьдесят – это уже глубокий старик...

«Решено, – подумал он. – Когда с заговором покончат и у меня будет свободное время, немедленно отправлюсь в ту книжную лавку, где у меня кредит, заплачу долги и потребую столько стихов, сколько хозяин в состоянии предоставить, пусть даже придется нагрузить книгами повозку. Черт побери, сумеет же, наверное, человек, прочитав пару сотен стихов, сам написать что-нибудь складное?!»

– Почему вы замолчали, шевалье? – с любопытством спросила девушка. – Все-таки ревнуете к призракам, существующим только в вашем воображении?

– Да что вы, – сказал д'Артаньян и перевел разговор на менее опасную тему. – Кто был тот человек, которого вы привели? Какой-нибудь высокий сановник двора статхаудера?

– Шевалье, вы совершенно не разбираетесь в нидерландских порядках... Двор, собственно, никаким влиянием не пользуется. А самые бедные и менее всего влиятельные в Нидерландах люди – государственные чиновники... Это был известный зюдердамский делец, миллионер. У него есть во Франции обширные финансовые и торговые интересы, и однажды ему сумели объяснить, что он может все это сохранить только в том случае, если будет поддерживать особые отношения с монсеньёром Ришелье... А у вас, кстати, откуда взялось столько золота? Когда я вошла, вы как раз высыпали на стол целую грудку...

– О, сущие пустяки, – сказал д'Артаньян беззаботно. – Это мне дали англичане за то, что я, пока заговорщики будут убивать кардинала, благополучно прикончу в другом углу герцога Анжуйского и принца Конде...

Анна засмеялась:

– Положительно, вы не теряете времени даром! Как же вас угораздило, несчастный, в такое злодейство влипнуть?

– Честное слово, я не набивался, – сказал д'Артаньян столь же беззаботно. – Англичанин сам пришел и предложил. Должно быть, у меня крайне располагающая физиономия, выдающая недюжинную серьезность, – человеку несерьезному не предложат с ходу убить за приличные деньги наследного принца Франции и попутно еще одну особу королевской крови... Правда ведь?

Глава вторая Мост Ватерлоо

– Эти Нидерланды меня форменным образом угнетают, – сказал д'Артаньян тоскливо. – Как они только тут живут?

– Интересно, что вам тут не нравится? – спросила Анна.

– Эти чертовы равнины, – сказал д'Артаньян. – Одни равнины, вся страна – как доска. Некоторые, знаете ли, уверяют, что земля имеет форму шара... Их бы сюда послать, пусть поездят из конца в конец, сами убедятся, что земля плоская...

Анна прищурилась:

– А известно ли вам, что даже его святейшество в Риме признает землю шарообразной?

– Честное слово?

– Честное слово.

– Черт знает что, – сказал д'Артаньян грустно. – Вы уже второй человек, который клянется честным словом, что земля круглая. К тому же его святейшество... Поневоле приходится верить, но я никак не возьму в толк, как это может быть... И все равно – эти бескрайние плоские поля нагоняют тоску. То ли дело у нас в Гаскони – горы, леса, иные даже с разбойниками... единственное, на что годится эта нелепая страна, – здесь очень удобно воевать. есть где развернуться коннице. Правда, и тут имеется пресловутая ложка дегтя – здешние варварские названия. Взять хотя бы деревушку, которую мы только что проехали. Ватерлоо. Ужасное название, в нем явственно чувствуется что-то невыносимо плебейское и совершенно немелодичное. Не завидую тому бедняге-генералу, кому придется давать тут сражение. Быть победителем при Ватерлоо – хорошенькая честь... сразу пропадает добрая половина героизма. Все битвы, про какие я знаю, случались возле мест с красивыми, звучными названиями – Канны, сз, Рокруа, Павия... Я уже не говорю про Ронсеваль, Гастингс, Каталун и Пуатье...

– А вам не приходило в голову, что до того, как состоялись эти славные битвы, все местечки, которые вы перечислили, были столь же захолустными и совершенно неизвестными, как это ваше Ватерлоо?

– Совершенно об этом не задумывался, – признался д'Артаньян потрясенно. – Анна, я восхищен вашим умом...

– Вы опять? Ну-ка, повторите обещание. Чего вы не должны делать, чтобы не рассердить меня?

– Отпускать комплименты, – насупившись, добросовестно повторил д'Артаньян. – Восхищаться вами или какими-либо качествами, вам присущими, а также признаваться в любви... Послушайте, запретите мне еще дышать! Это будет так же невыполнимо, как... Ну что мне прикажете с собой поделаться?

– Почаще вспоминать, что мы едем с серьезнейшей и тайной миссией. Ну какие тут могут быть ухаживания?

«Понятно, – подумал д'Артаньян тоскливо. – Чего уж тут непонятного? Знать бы только, кто он, счастливый соперник, уж я бы нашел возможность пригласить его прогуляться за Люксембургским дворцом или в другом подобном месте...»

– Ну хорошо, – сказал он послушно. – А вопросы задавать мне не запрещено?

– Пожалуйста. если только они не касаются моих сердечных дел или секретов кардинала.

– А если я спрошу, как вышло, что вы оказались на кардинальской службе? Это тоже секрет?

– Нет. Это просто одна из тем, на которую я не склонна говорить попусту... Ну вот, вы опять надулись! Можете вы относиться ко мне не как к женщине, а как к другу и спутнику в важной миссии?

– Не могу, – честно признался д'Артаньян. – Не получается, и все тут. Я так долго мечтал встретиться с вами вновь, ждал этой встречи...

Анна послала ему из-под широких полей шляпы крайне лукавый взгляд:

– Надо сказать, вы очень энергично ждали...

– Ну вот, вы опять! Вам, похоже, просто нравится меня дразнить...

– Я же все-таки женщина, – сказала она ангельским голосом. – Что делать, если вы так забавно дуетесь...

– Ну конечно, – обиженно сказал д'Артаньян. – Одно дело – требовать с меня заведомо невыполнимых обещаний и совсем другое – самой...

– Смотрите! – озабоченно перебила она, вытягивая руку.

Д'Артаньян посмотрел вперед, увидел приближавшегося вскачь Планше и привычно проверил, легко ли выходят из седельных кобур оба его пистолета. Впрочем, не походило пока, чтобы за верным слугой кто-нибудь гнался...

Для вящей предосторожности они применили нехитрый, но действенный метод: один из слуг все время ехал в полусотне туазов¹ впереди, чтобы вовремя оповестить о засаде, а второй отставал на такое же расстояние, оберегая от внезапного нападения сзади.

Гасконец огляделся. Вокруг, насколько хватало взгляда, простирались унылые равнины, впереди виднелась речка, в подступающих сумерках ставшая из синей свинцово-серой, там же, слева, вздымалась на фоне вечернего неба островерхая громада ветряной мельницы, и ее крылья кружили безостановочно, словно бы с начала времен. Никаких признаков засады...

Действительно, когда Планше подскакал совсем близко, д'Артаньян убедился, что лицо слуги, хотя и озабоченное, вовсе не похоже на физиономию преследуемого врагами.

– Что случилось?

– Похоже, дальше нам не проехать, сударь... Моста нет.

– Здесь же, нам толково разъяснили, должен быть мост...

– Был-то он был, и совсем даже недавно... Извольте сами убедиться, сударь! с ним приключилась неприятность...

Подхлестнув коней, они вскоре достигли крутого берега реки, не особенно и широкой, но, как сразу определил д'Артаньян, глубокой, с быстрым течением и омутами.

Планше был совершенно прав – мост существовал до самого недавнего времени, и приключившаяся с ним неприятность, очень возможно, произошла еще сегодня: от настила не осталось и следа, только черные головешки, остатки свай, торчали из воды на фут, не более, и от них еще остро несло свежей гарью...

Четыре всадника стояли в ряд на берегу – к ним давно уже присоединился слуга Анны по имени Лорме – и растерянно оглядывались. Неподалеку, в какой-то сотне туазов от них, с легким поскрипыванием продолжали нескончаемое кружение мельничные крылья. И поблизости от мельницы располагался небольшой домик в два этажа, похожий скорее на те, к которым д'Артаньян привык во Франции: здешние места, юг Гено, вот уже несколько столетий испытывали больше французского влияния, нежели голландского.

– Там кто-то стоит, – сказал Лорме.

– Действительно, – присмотрелся д'Артаньян и громко позвал: – Эй, любезный, идите-ка сюда!

¹ Туаз – мера длины, около двух метров.

Человек неторопливо приблизился, пуская клубы дыма из глиняной трубки со свойственной фламандцам ленивой невозмутимостью, покидавшей их лишь за выпивкой или во время игры вроде той, когда бедного кота безжалостно осыпали ударами дубинок.

А впрочем, имелся еще один вернейший способ привести в оживление любого сонного лентяя, общий для всех обитаемых человеком земель. Помня об этом, д'Артаньян торопливо достал ливр и после короткого колебания простер свое дружеское расположение настолько, что подал монету незнакомцу. Имей он дело с французским простолюдином, попросту бы бросил ему монету, а уж от того зависело бы, поймать на лету или поднять с земли, – но с обитателями Нидерландов, с их странным укладом, где нет ни короля, ни дворянства, приходилось порой держаться значительно вежливее, поскольку человек, посланный с тайной миссией, вынужден вести себя учтиво с каждым встречным, не привлекая внимания ссорами и вспыльчивостью...

Незнакомец, чуточку оживившись, принял монету – и оказался достаточно благовопитанным для того, чтобы не пробовать ее на зуб прилюдно, как это принято у неотесанной деревенщины.

– Вы, сударь, здесь живете? – спросил д'Артаньян.

– Ясное дело. И давненько. Эвона-вон моя мельница, от отца осталась давно тому...

– И дом, стало быть, тоже ваш?

– Ясное дело.

– Что случилось с мостом? – нетерпеливо спросил д'Артаньян, как будто от его напористости мост мог волшебным образом восстановиться в прежней красе.

– С мостом-то? А это, изволите знать, ехали тут с ярмарки цеховые мастера... И повздо-рили аккурат на мосту с торговцами смолой – те-то ехали в противоположном направлении, как раз на ярмарку... Ну, и вышел спор, чьим повозкам первыми проехать. Мастера, едуци с ярмарки, были уже крепенько выпивши, а торговцы ангельской кротостью не отличались, им интересно было побыстрее со своей смолой до ярмарки добраться... слово за слово, и началась у них драка. У кого-то сразу трубку изо рта выбили, один бочонок, должно быть, рассохся, смола подтекла, а она ж – как порох... Ну и заполыхало. А им и горя мало, знай тузят друг друга, как нанятые. Пока спохватились, занялся сам мост... Тут они, конечно, кинулись резать постромки, уводить лошадей, сами спасаться... Кто ж тут будет тушить мост? Был бы он их собственный... Короче говоря, сударь, сами-то они все разбежались, одежду малость подпаливши, и лошадей всех до одной увели, а повозка со смолой на мосту осталась, и горел он себе невозбранно, пока не выгорел дотла, а что не сгорело, упало в реку, колеса там, доски, и водой все унесло, течение вон какое, сами изволите видеть... Вот и остались мы, стало быть, без моста. Дали, конечно, знать кому следует, чтобы их изловили и наказали, как следует, только ж от этого мост сам собой не починится в тот же день... А вам, я так полагаю, на ту сторону надо?

– Правильно полагаешь, – нетерпеливо сказал д'Артаньян. – есть тут где-нибудь брод?

– Брод-то? – Мельник старательно поскреб в затылке растопыренной пятерней. – старики говорили, должен был где-то быть, то ли на пол-лье ниже по течению, то ли, наоборот, на лье выше... Только толком никто уже и не помнит. сколько лет здесь живу, не видел, чтобы кто-то искал брод. Зачем? Мост на этом самом месте стоял лет двести, и никто никогда брода не искал – на кой, при мосте-то? Кто ж мог знать, что эти пьяницы такое учудят...

Д'Артаньян, смирив гнев, постарался обдумать все взвешенно. Он не побоялся бы поискать брод даже в сумерках, в Беарне переплывал с конем реки и пошире, – но он был не один, чересчур рискованно подвергать Анну нешуточной опасности...

– Что же, – спросил он безнадежно, – никто не знает, где брод?

– Отчего ж, сударь. Надо полагать, кто-нибудь да знает. Только вам придется возвращаться в Ватерлоо на ночь глядя, а это добрых парочка лье, уже огни, поди, погасили, дрых-

нут все, крестьянин, он спать рано заваливается, потому что и встает рано. Даже если и добудете кого из постели, он вам наврет, что ничегошеньки про брод не знает, чтобы не тащиться ночью неведомо куда, пусть даже вы ему и деньги предложите... Это вы-то на конях, а ему ж придется за вами в темноте пару лье тащиться, да брод искать, да назад топать те же пару лье...

Все, что он говорил, было справедливо: сам д'Артаньян, зная деревенские нравы, не сомневался, что именно так и будет. Мало найдется охотников даже за щедрое вознаграждение шляться в ночи туда-обратно, разыскивая брод для случайных путников...

– Можете у меня переночевать, пожалуй что, господа проезжающие, – поразмыслив, предложил мельник. – У меня хоть и не постоянный двор с трактиром, но комнаты найдутся, и поесть можно будет чего-нибудь соорудить... семейство мое на ярмарке, жена к тетке собралась и детишек прихватила, один я остался, потому что работы много, не сдвинешься с места даже заради ярмарки... Что заплатите, то и ладно, потому как гость в дом – бог в дом, а то я на мельнице, а дом без присмотра... Там и конюшня найдется.

– Пожалуй, это наилучший выход? – тихонько спросил д'Артаньян у Анны. Она пожала плечами:

– А что еще остается делать? Утром вернемся в деревню и найдем кого-нибудь, кто знает брод...

Д'Артаньян первым повернул коня, кляня в душе последними словами всех цеховых мастеров и торговцев смолой, сколько их ни есть на белом свете. По его глубокому убеждению, право на подобные забавы – с драками на мосту и поджогом таковых – имели исключительно благородные дворяне, подобно сьеру де Монтлюку из Тарба, который однажды хладнокровнейшим образом спалил воз с сеном, загородивший на мосту путь его лошади. Вместе с сеном нечаянным образом сгорел и мост, но тут уж общественное мнение единогласно признало виновным во всем олуха-крестьянина – никто его не просил соваться с возом поперек дороги благородному дворянину, чьи предки участвовали еще в крестовых походах. Олух, естественно, и подвергся судебному преследованию, а как же иначе? Не взваливать же расходы на восстановление моста на сьера де Монтлюка?

Они с трудом разместили лошадей в тесной конюшне и оставили при них молчаливого Лорме – конечно же, должным образом вооруженного. Планше, оказавшись на мельнице, тут же вспомнил свое наследственное ремесло, от коего его вынудили отказаться интриги братьев, и с живейшим интересом принялся забрасывать хозяина разнообразнейшими вопросами, на которые тот отвечал скупно и неохотно. Хозяин вообще не отличался ни бойкостью, ни словоохотливостью, что неудивительно для живущего на отшибе нелюдима. К тому же мельников традиционно подозревали в связях с нечистой силой, разве что самую чуточку меньше, чем кузнецов...

Выставив на стол тусклую масляную лампу, хозяин собрал скудный ужин, вполне способный удовлетворить деревенского жителя, но для парижан весьма убогий. Вино, правда, было хорошее, божансийское, но его оказалось мало. По наблюдениям д'Артаньяна, фламанцы были отнюдь не чужды откровенному чревоугодию и неумеренному винопитию, не говоря уж о питье никотианы, но им в случайные домохозяева достался, должно быть, редкостный выродок, пробавлявшийся хлебом, сыром и лежалой колбасой...

А впрочем, чего требовать от соломенного вдовца, чья супружница весело проводила время у тетки? Д'Артаньян и сам, в противоположность королю Людовику, не смог бы приготовить какого бы то ни было кушанья в такой вот печальной ситуации, тоже ограничившись сыром с колбасой...

Собрав на стол, хозяин сразу же исчез, отправившись на мельницу. Планше, который из-за скудости ужина и сервировки не мог выполнять в должной степени свои лакейские обязанности, с разрешения д'Артаньяна увязался следом за мельником, влекомый тем, что

впоследствии станут именовать ностальгией. Так что д'Артаньян с Анной остались одни, чему гасконец был только рад, – он мог бы просидеть так ночь напролет, любуясь ее лицом, особенно загадочным и прекрасным в свете тусклой лампы, наполнившей комнатку колышущимися тенями причудливых очертаний.

В конце концов Анна тихонько рассмеялась:

– Видели бы вы ваше лицо...

– А что с ним такое?

– Вы уже добрых четверть часа таращитесь на меня с видом, самым подходящим определением для которого будет – восторженно-дурацким. Интересно бы знать, о чем вы думаете?

– О том, что у хозяина одна-единственная спальня, он сам говорил.

– Ну да, следовало ожидать... – фыркнула девушка. – Вам, часом, не взбрело в голову, что это дает вам какие-то шансы?

– Ну что вы, – уныло отозвался д'Артаньян. – Разумеется, вы холодны, как лед... Вы, часом, не происходите ли из страны гипербореев? Мне про нее рассказывал один моряк. Там по полгода нет солнца, и все жители это время спят в снегу, и женщины у них холодны настолько, что в буквальном смысле замораживают неосторожного пришельца до смерти, если ему взбредет в голову...

– Ничего подобного, шевалье. Я родом из Лотарингии. Правда, долго прожила в Англии, я уже рассказывала...

– Ну, тогда мне все понятно. Это из-за проклятых английских туманов...

Анна посмотрела на него с лукавым любопытством:

– Милейший д'Артаньян, неужели вы считаете себя настолько неотразимым, что любая женщина обязательно должна пасть вам в объятия, едва вы этого захотите?

– Да что вы! – сердито надулся д'Артаньян. – Никогда не думал о себе таких глупостей, не говоря уж о том, чтобы утверждать такое вслух... Просто я люблю вас, простите за откровенность, и готов это повторить снова и снова. Черт возьми, ну так уж сложилось, что я – не Вандом, не Граммон, не Конде, Куртанво, Барада!² Нет уж, за де Батцами, д'Артаньянами и де Кастельморами такого не водилось отроду!

– Дорогой Шарль, но ведь следовало бы еще поинтересоваться и моими желаниями...

– Вы любите кого-то?

– А какое право вы имеете задавать такие вопросы?

– Право любящего.

– Ох! – непритворно вздохнула Анна. – Честное слово, в толк не возьму, когда я только успела внушить вам такую страсть...

– А разве для этого нужно время? – искренне удивился д'Артаньян. – Это как удар молнии, вот и все! Мне хватило одного взгляда в Менге, чтобы потерять покой навсегда...

– Вы слишком молоды, отсюда все и происходит...

– Ну, вы ненамного меня старше, – сказал д'Артаньян.

– Это другое. Женщина, даже если она по годам старше на два-три года, на деле старше лет на двадцать... Я была замужем, Шарль, я вдова, у меня есть сын...

– Черт возьми, выходите за меня замуж, и он будет и моим!

– А вам не рано ли думать о женитьбе?

– Да в Беарне за моими ровесниками порой уже семенит целый выводок детворы! Анна, я как-никак не наивный мальчишка... Простите за откровенность, в Париже у меня хватило времени и случаев, чтобы набраться изрядного опыта... Бывали победы...

² Представители перечисленных д'Артаньяном фамилий частенько имели самые что ни на есть гомосексуальные наклонности.

Сидевшая напротив девушка прищурилась так загадочно и насмешливо, что д'Артаньян невольно вспомнил котов кардинала.

– По-моему, – протянула она с хорошо скрытой насмешкой, – ваши парижские победы могли бы разделить с вами очень уж многие... идет ли речь о Мари де Шеврез, королеве парижских шлюх, или этой вашей Луизе. Я уж не говорю о девицах из квартала Веррери...

– О, вы ревнуете! – вскричал д'Артаньян. – Приятно слышать! скажите, что вы ревнуете! Она рассмеялась:

– Шарль, вы неподражаемы... если так пойдет и дальше, вы меня просто вынудите в вас влюбиться в ответ...

– Что я должен для этого сделать, Анна? – воскликнул он, себя не помня от надежд, ударивших в голову, словно выдержанное вино.

– Прежде всего – исполнить в точности поручение монсеньера.

– И тогда вы...

– Не ловите меня на слове, Шарль. Это ничего еще не будет значить. Признаюсь, вы мне нравитесь. В вас, простите за откровенность, присутствует то сочетание детской наивности и самого беззастенчивого разгула, что никогда не оставляет женщину равнодушной... сидите смирно! У вас такой вид, словно вы готовы на меня наброситься, как дикий лесной человек... Вы мне нравитесь, повторяю, но это ничего еще не значит. Уж простите, но я не Мари де Шеврез. Кое в чем я ужасно медлительна... И жизнь нанесла мне несколько тяжелых ударов, вкупе с разочарованиями...

– Значит, у вас никого нет! – ликующе воскликнул д'Артаньян. – И не отрицайте, я это чувствую! Влюбленный человек становится провидцем, верно вам говорю!

– У меня действительно никого нет. Но это опять-таки ничего не значит...

– Дайте мне только шанс!

Ее глаза загадочно смеялись в зыбком полумраке, пронизанном колыханием теней:

– А разве я лишила вас шанса? Что-то не припомню...

– Вы играете со мной по всегдашнему женскому обыкновению, – сказал д'Артаньян, которого бросало то в жар, то в холод. – Ах, как вы со мной играете...

– Быть может, самую чуточку... Шарль, ну остыньте вы немножко, прошу вас! Наверное, все дело в том, что прежде вам попадались исключительно доступные дамы, – иронично подчеркнула она последнее слово. – скажите по совести, вам приходилось когда-нибудь по-настоящему ухаживать за женщиной? Или всегда складывалось так, что в ответ на ваши недвусмысленные стремления очень быстро следовало быстрое, откровенное согласие? Ну что вы опять хмуритесь? я права?

– Вы, как всегда, правы, – сумрачно признался д'Артаньян. – Ну да, так уж сложилось... Я не силен в том, что именуется ухаживанием по всем правилам. У меня есть только богатый опыт, а это, как я теперь вижу, совсем даже не то... Но я и правда люблю вас!

– Может, все дело в том, что на этот раз вы столкнулись с сопротивлением?

– Что за глупости вы говорите! – взвился д'Артаньян. – Ничего подобного! Это любовь, уж я-то знаю! И вы, вы тоже помнили обо мне! Я ведь знаю, что это вы передали для меня сто пистолей через капитана де Кауа!

– Вы уверены?

– Уверен. сердце подсказывает.

– Ну и что? Это была обыкновенная жалость к юноше, попавшему в нештучную передрягу...

– Ничего подобного!

– Думаете?

– Я же говорю: всякий влюбленный – провидец вдвойне! Анна... Она решительно встала:

– Думаю, мне пора идти спать...

– А я? – совсем по-детски спросил д'Артаньян.

– А вы преспокойно можете устроиться здесь. Лавка достаточно широкая... а постель в спальне слишком узкая. Настолько, что самому благонамеренному человеку обязательно полезут в голову игривые мысли. А я устала и хочу отдохнуть. Как бы я к вам ни относилась, но слушать остаток ночи ваши неизбежные признания и клятвы... Нет уж, ложитесь здесь, на лавке.

– А выкуп? – расхрабрился д'Артаньян.

– Простите?

– есть такой обычай у крестьян. Вроде игры. За выполнение иных просьб требуют выкуп...

– И что же вы от меня потребуете?

– О, ничего невыполнимого или особо тягостного для вас, – сказал д'Артаньян. – Когда все кончится, когда мы завершим дело, обещайте прогуляться со мной... ну, допустим, по Сен-Жерменской ярмарке или в аллеях Тюильри. Это не слишком наглое требование, правда?

– Пожалуй.

– Так вы обещаете?

– Ну хорошо, хорошо, обещаю... спокойной ночи, дорогой Шарль!

И она скрылась на втором этаже, словно пленительный призрак, оставив д'Артаньяна в состоянии того одновременно приятного и мучительного безумия, что хорошо знакомо каждому влюбленному. О сне и речи быть не могло, он лежал на широкой лавке, завернувшись в плащ, и то, что происходило в его голове, не поддавалось связному описанию по причине полной сумбура и шараханья из крайности в крайность что ни миг...

Входная дверь тихонько приотворилась. Грезы и фантазии моментально покинули д'Артаньяна, он сторожко приподнялся, взял со стола один из своих пистолетов и убедился при тусклом свете лампы, что пружина замка заведена.

И тут же отложил оружие, узнав Планше. слуга осторожно сделал пару шагов в комнату, огляделся и, увидев на лавке д'Артаньяна, прямо-таки бросился к нему.

– Сударь! – прошептал честный малый прерывающимся голосом. – сударь! скверные дела!

– Что такое? – насторожился д'Артаньян.

– Сударь, сдается мне, мы попали в ловушку! – промолвил Планше, не сводя испуганных глаз с двери.

– Это еще почему? Да успокойся ты!

– Сударь, прежде всего... Наш хозяин никакой не мельник!

– Почему ты так решил?

– Вы не забыли, что я всю сознательную жизнь готовился стать мельником? Уж я-то сразу отличу, где настоящий мельник, а где фальшивый!

– Помедленнее, Планше, – сказал д'Артаньян, садясь на лавку и затыкая за пояс пистолеты. – Давай подробнее...

– Он совсем не умеет управлять мельницей, верно вам говорю... Тут все зависит от крыльев. Он пустил крылья слишком быстро, точно вам говорю, сударь! Мука черт-те сколько времени идет черная, вот-вот загорится, а ему хоть бы хны! Таращится на нее так, будто все в полном порядке... А он ведь не пьяный и не кажется сумасшедшим. Помните, что он нам наплел? Что он и есть здешний мельник, что занимается своим ремеслом черт-те сколько лет... Все враки, сударь! Он тут совсем недавно, не знает толком, где что лежит... а главное, я уже говорил, совершенно не умеет управляться с мельницей! Это фальшивый мельник! Да работай он так, как сейчас работает, к нему никто не привез бы и горсточку

зерна! Говорю вам, мука идет чернущая, чернее угля, она вот-вот загорится, а он ходит у жерновов с самодовольным видом, как индюк на птичьем дворе, как будто так и надо! скверные дела, сударь!

Он говорил так убедительно, с таким знанием дела, что д'Артаньяну передалась в полной мере тревога верного слуги.

– Где твой мушкет? – спросил он.

– Вон там, в углу...

– Поднимись к миледи Анне, разбуди ее и расскажи все. Черт, ведь Лорме в конюшне...

– его так просто врасплох не застанешь, сударь, – убежденно сказал Планше. – я с ним за эти дни тесно сошелся. Человек опытный, во всяких переделках бывал. Могу поспорить, он и не спит вовсе...

– Все равно осторожность не помешает, – сказал д'Артаньян. – Разбуди миледи, потом сбегай в конюшню и предупреди Лорме. Когда вернешься, разожги фитиль, возьми мушкет и будь готов ко всему...

– А вы?

– А я пойду посмотрю на нашего любезного хозяина... Ну, живо!

Не теряя времени, д'Артаньян бесшумно приоткрыл дверь, выскользнул наружу и стал бесшумно подкрадываться к мельнице с ловкостью истого уроженца Беарна, привыкшего ходить по каменным осыпям и горным тропинкам.

Ночь была безлунная, но небо оказалось чистым. На фоне россыпи бесчисленных звезд по-прежнему кружили мельничные крылья, производившие сейчас жутковатое впечатление, – оттого, что казались чем-то живым и злокозненным...

Не успел он сделать и пары шагов, как дверь у подножия мельницы со скрипом отворилась, показался мнимый мельник с фонарем в руке. Д'Артаньян шарахнулся за угол дома, прижался к холодной каменной стене.

Мельник неторопливо прошел мимо, не заметив его, и сделал довольно странную вещь. Он повесил свой ярко горевший фонарь на столбик изгороди, проверил, не свалится ли – и ушел назад на мельницу. Д'Артаньян, оторопело наблюдавший за этими престранными манипуляциями, прокрался к мельнице. Распахнул дверь – и оказался лицом к лицу с хозяином, державшим другой фонарь.

Самообладание гасконца не покинуло: как всегда бывало с ним в минуту нешуточной опасности, он не терял зря времени и действовал молниеносно. Не вынимая шпаги – к чему применять благородное оружие против подлого шпиона? – он нанес хозяину могучий удар кулаком, враз сбивший того с ног. Фонарь отлетел в угол обширной комнаты и, кажется, разбился, потому что в углу взметнулось высокое пламя. Не обращая на него никакого внимания, д'Артаньян одним прыжком оказался в другом углу, склонился над постанывавшим хозяином и, приставив ему к голове пистолет, зловещим шепотом осведомился:

– Так, значит, сударь мой, вы не мельник, а разбойник? Проезжающих в ловушку заманиваете, а потом режете и грабите? Ну, это нам знакомо. В Бе... у себя на родине мне случилось прикончить парочку таких вот мерзавцев, так что дело насквозь знакомое... Дать вам время прочесть отходную или... Пожалуй, не стоит быть к вам настолько добрым... Хотите что-нибудь сказать, прежде чем я разнесу вам череп?

– О сударь! – пролепетал насмерть перепуганный мельник. – Что я вам сделал?

– Сам знаешь, – непререкаемым тоном ответил д'Артаньян, звонко взведя курок. – Думал кого-нибудь обмануть, ты, поддельный мельник? Мы тебя раскусили моментально, ждали, пока ты сам себя выдашь... Кого ты хотел обмануть, изображая мельника?

– Я и не думал, что вы...

– Следовало бы думать, – отрезал д'Артаньян, уже видя, что подозрения Планше оказались справедливыми. – Где настоящий хозяин? Ты его убил вместе с семьей, скотина!

– Помилуй бог, что вы такое говорите, сударь? Как вам только в голову пришло? сроду никого пальцем не тронул, я не убийца и не разбойник!

– В таком случае где настоящий мельник? Где его семья? я собственными глазами видел в доме массу вещей, говоривших о недавнем присутствии женщины!

– Их никто пальцем не тронул, ваша милость! Им дали достаточно денег, чтобы они согласились пожить пару дней подальше отсюда и держать язык за зубами!

– Но мост-то поджег ты? – наугад нанес удар д'Артаньян.

– Что мне было делать, если приказали! Подумаешь, велика важность – поджечь мост! Это же не душегубство, верно? Ну сами посудите!

– А кому ты подавал сигнал фонарем? – уже гораздо увереннее спросил д'Артаньян, видя, что оказался на верном пути.

– Кто их знает, мне таких тонкостей не говорили...

– А что тебе говорили? Отвечай, мерзавец этакий, это для тебя единственный шанс спасти свою поганую шкуру!

– Я не знаю, кто они... Они ждут где-то на дороге, когда я повешу фонарь, так, чтобы издали было видно...

– Сколько их там?

– Да говорю вам, не знаю!

Д'Артаньян крепче прижал дуло пистолета ко лбу икавшего от ужаса злоумышленника – но не дождался более детального ответа. Быть может, пленник и в самом деле не знал иных подробностей...

– Сударь! – воззвал лежащий. – Помилосердствуйте! Против вас я ничего не замышлял... Про вас мне ничего не говорили, я вас вижу впервые в жизни, да и не видеть бы вообще! Они охотятся на женщину...

– Кто – они? – быстро спросил д'Артаньян, знавший, что время сейчас работает против него. – Кто тебе платил? Быстро рассказывай, не то мозги вышибу! Ты откуда?

– Из Намюра, сударь, это недалеко отсюда...

– А там что делал? Разбойничал, поди?

– Ну что вы, сударь... Так, немного нарушал законы, самую малость... но душегубом никогда не был, клянусь чем угодно! Два дня назад старый дружок свел меня с одним типом... высокий такой, лицо все время закрывал плащом... Меня подрядили изображать мельника на этой самой мельнице и ждать, когда появится дама... Мне ее довольно точно описали, ту даму, что приехала с вами... Я должен был за несколько часов до ее появления поджечь мост, а потом соврать про пьяную драку и поджог... Как меня предупреждали, так и случилось: ближе к вечеру прискакал всадник и сказал, что она едет по дороге к мельнице в сопровождении трех мужчин, один из них – несомненный дворянин, а двое других – скорее всего, слуги... Он сказал, что пришла пора, и ускакал, а я поджег мост и начал ждать... Когда мне покажется, что все уснули, я должен вывесить фонарь на изгороди... Вот и все, клянусь спасением души!

– А потом?

– Ну откуда я знаю! Мне было велено повесить фонарь и сидеть на мельнице тихо-тихо, как мышка, что бы ни происходило в доме... Я и собирался...

Вряд ли нужно было выжимать из него что-то еще. Во-первых, он мог ничего больше не знать, а во-вторых, время решительно поджимало, вот-вот должны были нагрянуть неизвестные злодеи...

– Ну ладно, – сказал д'Артаньян, выпрямляясь. – В твоих же интересах сидеть тихо-нечко...

Он осторожно спустил взведенный курок, сунул пистолет за пояс и отвернулся, собираясь выйти. В углу занималось пламя.

Именно благодаря пламени, заставившему мерзавца мгновенно отбросить высокую тень, д'Артаньян краем глаза и усмотрел угрозу...

Он повернулся как раз вовремя – мнимый мельник уже занес руку с ножом – и, молниеносно вырвав шпагу из ножен, сделал уверенный, скупой выпад, не увлекаясь фехтовальными красотами, – к чему?

Острые шпаги, как и задумано было, безжалостно и неотвратимо вошло прямо в сердце человеку с искаженной от трусливой злобы физиономией и широким занесенным ножом.

Д'Артаньян не соврал, он только по своему обыкновению чуточку преувеличил: на его счету было не два убитых разбойника, а один-единственный. Прошлым летом в окрестностях Тарба устроили грандиозную облаву после того, как обосновавшаяся в тамошних лесах шайка обнаглела до последнего предела. Все дворянские недоросли наперебой рвались туда – а повезло одному д'Артаньяну. Он пристрелил разбойника издали, из длиннющего карабина³ (из мушкета или пищали, очень может быть, и не получилось бы). И не испытывал потом никаких особенных чувств – все произошло на приличном расстоянии, он выпалил по бегущей фигуре, а потом на ее месте, когда они подскакали, оказался холодный труп.

Сейчас было совсем иначе. Человек, проткнутый шпагой насквозь, уже умирая, подался вперед, совершенно самостоятельно нанизав себя на клинок еще на добрую ладонь, а потом замер с занесенной рукой, его глаза и его лицо остались точно такими же, но с ними произошло нечто неуловимое, что-то неописуемое словами из них исчезло навсегда, и д'Артаньян на некий миг явственно увидел смерть, не глазами, конечно...

И торопливо выдернул шпагу, чтобы ее не сломало оседающее тело. Убитый – первый убитый им шпагой, – подламываясь в коленках, запрокидываясь, стал нелепо валиться, пока не грянулся затылком об пол в кровавых отсветах разгоравшегося, шумящего пламени.

Д'Артаньян пребывал в оцепенении совсем недолго, один краткий миг. Некогда было испытывать чувства и давать им верх над рассудком. Этот человек сам бы его убил, не опереди его д'Артаньян, вот и все чувства...

Выскочив наружу, он сторожко оглянулся, потом по охотничьей привычке распластался на земле и приложил к ней ухо. старый прием не подвел и теперь: он явственно разобрал легонькое сотрясение земли. Это не всадники, а пешие – но человека четыре-пять, а то и больше.

Больше. семеро. Они появились из мрака как раз с той стороны, откуда их гасконец и ждал, – от большой дороги, с того места, где они могли сразу разглядеть фонарь...

Он вытащил из-за пояса пистолеты и спрятался за углом дома, тихонечко взводя курки. семеро старались ступать как можно тише – но к дому они двигались в полный рост, так, словно у каждого лежал в кармане кусок веревки повешенного⁴. Все с обнаженными шпагами, все шагают молча, как призраки...

Подпустив их достаточно близко, д'Артаньян поднял пистолет, тщательно прицелился в самого дальнего и выстрелил. Потом из другого пистолета уложил второго.

И тут же над головой зазвенело стекло, высаженное, надо полагать, дулом мушкета, а вслед за тем мушкет оглушительно выпалил и грянули еще два пистолетных выстрела.

В дверях конюшни блеснули две вспышки – это стрелял из своих пистолетов Лорме.

Пороховой дым не успел рассеяться, когда д'Артаньян бросился вперед, вопя во всю глотку: «Бей, руби!» – чтобы его спутники ненароком не зацепили и его, вздумай они снова открыть огонь.

³ В ту эпоху карабином именовалось не укороченное ружье, а наоборот, гораздо более длинное и вдобавок нарезное. Тогдашний карабин заряжался гораздо дольше, чем стандартные гладкоствольные мушкеты и пищали, но превосходил их благодаря нарезам в точности боя.

⁴ По старинному французскому поверью, кусок веревки повешенного делает его обладателя невидимым.

Семь выстрелов со стороны осажденных уложили троих, что было весьма неплохо, ибо уменьшило силы наступающих почти наполовину. Ага, и четвертый ощутимо задет – он вдруг выпустил шпагу и, сгибаясь пополам, охая, наугад пошел куда-то во мрак...

Пятый выбыл из дела парой мгновений позже – д'Артаньян, налетев как вихрь, уложил его одним ударом в горло. Оставшиеся двое, наконец-то придя в себя, отскочили. Один встал в позицию ан-гард⁵, заслоняясь поднятым клинком на испанский манер, другой с величайшим хладнокровием, по скупым движениям видно, вырвал из-за пояса пистолет и выстрелил в д'Артаньяна.

Гасконец – как сторона, нападавшая внезапно, а значит, более хладнокровная, – был наheckу, он упал на колено, и пуля просвистела над его головой.

При вспышке выстрела и он, и стрелявший моментально узнали друг друга.

– Арамис?!

– Лорд Винтер?!

Восклицание англичанина показало д'Артаньяну, что белобрысый милорд до сих пор искренне считает его посланцем заговорщиков... Это следовало использовать.

– Какого черта вы здесь делаете?

– Это моя маленькая тайна, милорд, – сказал д'Артаньян, зорко следя за противником.

Но тот, опустив шпагу, и не думал нападать. Более того, он резко бросил второму, вознамерившемуся было то ли от отчаяния, то ли от злости перейти в нападение:

– Стой на месте! Арамис, черт меня побери... Не мешайте! Мне нужны не вы... откуда я знал, что вы – здесь? Мне нужна женщина...

– Она под моей защитой, – отрезал д'Артаньян не допускавшим дискуссий тоном.

– Арамис, отойдите! Вы ничего не знаете...

– И нет нужды. Повторяю, эта женщина под моей защитой. Убирайтесь, откуда пришли.

– Послушайте! – в бешенстве крикнул англичанин. – я пришел сюда за ней и не уйду, пока...

– Отлично, – сказал д'Артаньян. – В таком случае, попробуйте войти. Посмотрим, как это у вас получится, Винтер... Вас, кажется, осталось только двое?

– Арамис! я не собираюсь с вами драться, и вы прекрасно знаете, почему...

– Ну, тогда отправляйтесь восвояси, – сказал д'Артаньян. – Иначе, даю вам слово дворянина, мне придется... Выбирайте, милорд. Или то, наше дело, или – бой на ступеньках этой лачуги... Ну? я оставляю решение за вами...

Ожидание тянулось несколько мучительно долгих мгновений. Потом англичанин, прямотаки взревев от бессильной ярости, крикнул своему оставшемуся в живых сообщнику:

– Уходим, живо! Черт бы его побрал...

В окне второго этажа раздался пистолетный выстрел, и пуля сбила с англичанина шляпу. Наверху разочарованно вскрикнула Анна, но второго выстрела не последовало – должно быть, она успела зарядить только один пистолет.

На миг задержавшись, лорд Винтер крикнул:

– Благодарю за любезность, милая Анна! Непременно постараюсь ответить тем же, как только подвернется случай!

И вместе со своим сподвижником растаял во мраке. Д'Артаньян остался на поле боя полным и несомненным победителем. Ни один из лежавших у его ног и поодаль не шевелился. Вокруг становилось все ярче – пожар на мельнице разгорался не на шутку. Пищи для огня, отлично просушенного дерева, там было достаточно, мельница стояла тут не одно деся-

⁵ Начальная оборонительная позиция в тогдашнем фехтовании.

тилетие, если не столетие, и теперь из всех окошек с треском вырывались длинные языки пламени, уже взметнувшиеся выше конической крыши, уже лизнувшие крылья...

Д'Артаньян вбежал в дом, предосторожности ради крича:

– Это я, это я!

И едва не столкнулся с Анной, спешившей навстречу с пистолетом в одной руке и шпагой в другой:

– Где он?

– Скрылся, – ответил д'Артаньян.

– Как же я промахнулась... Я целила прямо в голову...

– Случается, – сказал д'Артаньян. – Где Планше? Ага... Молодец, ты все-таки одного подстрелил...

– Я старался, сударь...

– Давайте отсюда побыстрее убираться, – сказал д'Артаньян. – Они могут передумать и вернуться... Вдруг у него есть еще сообщники поблизости? И потом, пожар совсем скоро разойдется так, что сюда сбежится вся округа. А объясняться придется нам, поскольку никого другого на эту роль не подберешь...

Планше первым выскочил наружу и громко позвал Лорме. Тот выехал верхом из распахнутой двери конюшни, пригибая голову, чтобы не удариться о притолоку, ведя в поводу остальных лошадей.

Круто развернув на месте своего английского жеребчика, д'Артаньян оглянулся. Представшая его взору картина была жуткой, величественной и притягательной одновременно – вся мельница, высоченное соружение, уже была объята тугими волнами золотистого пламени, гудевшего и трещающего, пылающие крылья продолжали размеренно вращаться, чертя в ночном небе причудливые круги...

Он поневоле засмотрелся – и, не скоро опомнившись, погнал коня вслед за остальными.

Блуждать верхами в кромешной тьме по незнакомой местности было бы сущим безумием – кони могли поломать ноги, всадники могли сломать шеи. И они двинулись вдоль реки, где было чуточку светлее, над берегом, над отражавшимся в темной воде мириадам звезд. ехали, пока пожарище не скрылось за горизонтом, – только небо в том месте долго еще оставалось светлым...

Погони не было – да ее и не особенно следовало опасаться. Без сомнения, нападавшие рассуждали точно так же, хорошо представляя, какие неудобства ждут тех, кто решится сломя голову носиться верхами по бездорожью...

В конце концов наткнулись на глубокий овраг, тянувшийся перпендикулярно реке. Лучшего укрытия до утра нельзя было и придумать. Найдя подходящий пологий уклон, осторожно свели вниз лошадей, держа их в поводу. До рассвета оставалось еще часа два.

Слуги с лошадьми деликатно расположились в отдалении, а д'Артаньян, вспомнив свои охотничьи странствия по лесам, отыскал подходящее деревце, нарубил шпагой веток, прикрыл эту кучу краем плаща и усадил девушку, закутав их обоих оставшейся половиной.

– У вас неплохо получается, – сказала Анна вяло. – святой Мартин, да и только...⁶

Она прижалась к нему, положила голову на плечо. При других обстоятельствах д'Артаньян возликовал бы от счастья и немедленно приступил бы к планомерной осаде по всем правилам, но сейчас только полнейший идиот мог бы приставать к девушке со всякими глупостями, а идиотом наш гасконец никогда не был и прекрасно понимал, что момент совершенно не подходящий для излияния самых пылких и неподдельных чувств. Он просто сидел, крепко прижимая ее к себе одной рукой, и временами замирал от нежности, когда чувство-

⁶ Святой Мартин отдал нищему половину своего плаща.

вал щекой мимолетное прикосновение длинных ресниц. Как ни удивительно, сейчас ему всецело хватало и этого.

– Нужно было его убить, – тем же вялым голосом произнесла Анна.

– Пожалуй, – тихонько ответил д'Артаньян. – я как-то промедлил, упустил момент...

Помнил, что его нужно перехитрить, а не убивать. И эта наша миссия...

– Не упрекайте себя, Шарль. Вы ни в чем не виноваты, вы же ничего не знали...

– А вы? – не удержавшись, спросил д'Артаньян. – Вы же должны что-то знать... Он ведь вовсе не собирался перехватить разоблаченных шпионов кардинала, как следовало бы ожидать. Вы же должны были слышать – он назвал меня Арамисом и отступил именно потому, что я ему был необходим как оружие для убийства герцога и принца... Это превозмогло все остальное... Как ни жаждал он до вас добраться... Что ему от вас нужно? Это уже не кардинальская служба, тут что-то другое, дураку ясно...

– Вы неплохо соображаете, Шарль...

– Это ведь лежало на поверхности.

Анна долго молчала, и д'Артаньян уже стал думать, что никогда не узнает ответа. Звезды отражались в темной текучей воде, как в начале времен.

– Вы совершенно правы, – сказала она неожиданно. – К кардинальской службе это не имеет ровным счетом никакого отношения. Можно сказать, это семейное дело. – Д'Артаньян не увидел, а, скорее, почувствовал, как она легонько улыбнулась. – семейное дело, и не более того.

– Черт возьми, какое он может иметь к вам отношение?

– Шарль... Он, надобно вам знать, – мой деверь. Младший брат моего покойного мужа. И... – ее голос зазвучал жестче, – и, как вы давно уже знаете, лорд Винтер, барон Шеффилд. Каковые титулы получил, согласно английскому праву, после смерти моего мужа, старшего сына и наследника как титулов, так и майората⁷. До этого он был лишь Генри Винтером, эсквайром⁸, и не более того...

– Вы произнесли это таким тоном... – сказал д'Артаньян, – как будто хотели сказать...

– Сказать можно многое. Мне многое хотелось бы сказать... но у меня нет достаточных доказательств. Ни у меня, ни у кого бы то ни было еще. Одни пересуды, подозрения и нехорошие совпадения – то есть то, чего ни один суд в мире не примет к рассмотрению...

– Как умер ваш муж? – тихо спросил д'Артаньян.

– Совершенно неожиданно. слуги услышали грохот падающего тела, вбежали в комнату и нашли его лежащим у стола. Рядом валялся разбитый стакан... – Она легонько передернулась, и д'Артаньян крепче прижал ее к себе. – У него было белое как мел лицо, усеянное десятками крохотных ярко-алых точек... Ни один врач никогда прежде с таким не сталкивался. Воду из графина, правда, дали потом выпить собаке, но с ней ничего не произошло. Мнения врачей разделились. Одни, их было большинство, считали, что это какой-то неизвестный недуг. Двое других, наоборот, упорно придерживались мнения, что Роберта отравили. Беда в том, что никто никогда не слышал о яде, обладавшем бы подобным действием.

– И что же?

– А чего бы вы хотели? У меня было достаточно денег, и я пыталась хоть что-то узнать... Меня заверили, что нынешняя наука и нынешняя медицина просто не в состоянии обнаружить следы многих ядов, лишь один-два дают недвусмысленные признаки... Даже

⁷ **Майорат** – неотчуждаемое имущество (как правило, недвижимое), по английским законам целиком отходившее старшему сыну (он же обычно наследовал и фамильные титулы).

⁸ **Эсквайр** – в описываемое время так называли в Англии человека дворянского происхождения (со временем превратилось просто в вежливое обращение).

если это был яд, доказать невозможно. Подозреваемых не было вообще – вся многочисленная прислуга, все находившиеся в замке вроде бы вне подозрения...

– Но ведь на этом не кончилось?

– Почему вы так думаете?

– Чувствую, – сказал д'Артаньян.

– Правильно... Был один стряпчий, давний друг семьи и поверенный в делах моего мужа. Он был посвящен в семейные секреты даже гораздо более, чем я – мы были женаты всего-то менее года, я была совсем молоденькая, и ко мне относились без особой серьезности – быть может, вполне заслуженно... В общем, он со мной далеко не всем делился.

– Этот стряпчий?

– Да. Но у него были определенные подозрения, в определенном направлении... Он поехал в Лондон и нанял там какого-то ловкого человека. Тому удалось выяснить, что в Лондоне уже случалась парочка чрезвычайно схожих смертей, когда покойники выглядели точно так же – лицо и тело мертвенно-белые, усыпаны алыми точками... Вот только этот ловкий человек внезапно исчез. Лондон – опасный и своеобразный город, человек там может исчезнуть бесследно, и никто никогда не узнает, что с ним случилось. А стряпчего пару месяцев спустя убили разбойники на Хаунсло-Хит... есть такая пустошь, возле большой дороги, где разбойники частенько нападают на проезжающих. Но у Мортон не взяли ни золотых часов, ни кошелька... считают, что грабителей попросту спугнули, но кое-кто и в это не верит... В том же году умер один из двух докторов, отстаивавших мнение об отравлении, – при чрезвычайно странных обстоятельствах. А второй навсегда уехал из наших мест, и никто не знает, где он теперь. Дворянин, друг Роберта, осмелившийся обвинить Винтера открыто, был убит им на дуэли – о, все произошло в совершеннейшем согласии с правилами чести... Понемногу разговоры стихли, никто не пытался узнать больше. Это все случилось четыре года назад... с тех пор много воды утекло: меня пытался сделать своей любовницей герцог Бекингэм, но получил отказ и страшно разобиделся...

– Ну да, – сказал д'Артаньян. – я ведь свел некоторое знакомство с этим господином. Вряд ли он из тех, кто спокойно переносит решительный отказ.

– Как и вы, Шарль, как и вы, уж простите, как всякий, наверное, мужчина... – усмехнулась она. – Но тут другое... Когда у нас состоялось последнее и окончательное объяснение, он пришел в совершеннейшее бешенство и дал волю языку. Большая часть того, что он говорил, скучна и банальна, но кое-что заслуживает внимания... Он кричал, что я полная дура и не осознаю в полной мере, каким благом будет для меня его покровительство. Потому что защитить меня может только он – в том числе и от Винтера, который отравил моего мужа, а теперь обязательно постарается добраться до меня и моего сына. Ну, а если я стану его любовницей, Винтер определенно побоится...

– И вы верите, что он говорил правду?

– Пожалуй, – сказала Анна. – я неплохо знаю Бекингэма. Он не мастер врать и начисто лишен фантазии. сочинить такое ему бы и в голову не пришло... словом, я все же отказалась. Увы, впоследствии оказалось, что Бекингэм как в воду смотрел. Вокруг моего сына начались столь подозрительные странности, что пришлось укрыть его в надежном месте. Английские законы, знаете ли... Винтер имеет право носить титулы до совершеннолетия моего сына, но в случае его смерти к Винтеру перейдут пожизненно и титулы, и земли, и все состояние. Ну, а после того, что только что произошло на мельнице, у меня уже не осталось никаких сомнений, и я решила стрелять. Промахнулась, к великому сожалению...

– Знай я все это раньше, я бы его непременно прикончил, – сказал д'Артаньян. – Впрочем, случай еще представится...

– Это не человек, а сущий дьявол.

– Ба! – сказал д'Артаньян. – Насколько я знаю, о многих так говаривали... Но в конце концов выходило, что пистолетная пуля или полфута доброй шпаги в груди оказывают на них точно такое же действие, как на простых смертных... Он мне еще попадется...

– Я боюсь одного: что теперь та же опасность угрожает и вам. Когда он узнает, кто вы на самом деле, когда решит, что вы посвящены в мои секреты...

– Что за глупости! – сказал д'Артаньян. – Нет ничего лучше настоящего врага, этого самого «сущего дьявола»! Последнее время у меня и не было, если вдуматься, настоящих врагов – так, одна мелочь, скучно даже...

– Шарль, вы еще суший ребенок...

– Думайте, как вам хочется, – сказал д'Артаньян. – Но я его обязательно убью. Анна... значит, вы боитесь за меня? если б вы знали, как приятно это слышать! Ну скажите еще раз, что вы боитесь за меня, умоляю!

– Ох... Какой вы... Говорю вам, я всерьез боюсь за вас!

– С ума сойти! – не помня себя от радости, воскликнул д'Артаньян. И, легонько повернув ее голову, прильнул к губам. Девушка напряглась, но все-таки с печальным вздохом ответила на поцелуй, показавшийся одуревшему от счастья гасконцу бесконечным.

Глаза у нее были влажными, и д'Артаньян мысленно поклялся всем для него святым защитить ее и поквитаться с мерзавцем, даже если для этого придется запалить всю Англию с четырех концов и разыскивать Винтера посреди этого самого грандиозного в истории пожара.

Целовались до рассвета.

Глава третья

Что за гости съехались в замок Флери и как их там привечали

Окажись д'Артаньян и в самом деле одним из заговорщиков, не зная, что все открыто и приняты должные меры, он ничего бы не заподозрил. Замок Флери, недавно отстроенный кардиналом, выглядел беспечным загородным прибежищем всесильного сановника, нимало не подозревающего о том, что, по замыслу убийц, смерть въезжала в эти ворота в облике четырех десятков благородных парижских дворян с герцогом Анжуйским и принцем Конде во главе.

Два самых больших отряда приехали как раз с принцем и герцогом – их свита, фавориты, любимцы, друзья и единомышленники. Остальные прибывали кто поодиночке, кто по двое – одетые как обычно, вооруженные не сильнее, чем в рядовые дни. Впрочем, кое у кого д'Артаньян подметил очень уж жесткие складки камзолов – положительно, у этих людей под платьем надеты кольчуги, а некоторые довольно искусно скрывают под камзолами пистолеты, но обратить на это внимание мог лишь тот, кто присматривался специально, заранее посвященный в потаенную сторону обычного вроде бы визита дворян к министру...

Сам он приехал в замок Флери прямо из домика герцогини де Шеврез на улице Вожирар – смачно и обстоятельно расцелованный на прощанье и даже получивший второпях в задней комнатке задаток в счет будущего щедрого вознаграждения: Верхние земли, Нижние земли и даже Антиподы, согласно итальянским вкусам очаровательной Мари. К его великому облегчению, когда он вернулся из Нидерландов, был встречен так, что сразу стало ясно: никто до сих пор не понял, что побывавший в Зюдердаме «Арамис» и проклятая ищейка кардинала, пресловутый д'Артаньян, – одно и то же лицо. Равным образом не вызвали подозрений и точнейшие копии зашифрованных писем, в течение пары часов изготовленные неким тихим и незаметным приближенным кардинала, человеком на вид невзрачным, кажется, даже не дворянином, но умевшим, по заверениям Рошфора, подделать любой почерк, какой только существует на свете...

И некий огромный и кое в чем до сих пор загадочный механизм тяжело стронулся, закрутился, зубцы неких шестеренок цеплялись за другие, по парижским улицам помчались гонцы, зашелестели в задних комнатах пахнущие железом и кровью разговоры, гримасы злобной радости и отчаянного нетерпения кривили лица, и, наконец, копыта многих коней затоптали по загородным дорогам, сходящимся к замку Флери...

Гостей встречали, как ни в чем не бывало, как и полагалось – почтительно принимали коней, провожали в зал. Никто из них и понятия не имел, что сопутствовавшие им слуги один за другим внезапно исчезали, с завидным постоянством оказываясь обитателями обширного подвала с решетками на окнах и запертой дверью, охранявшейся снаружи вооруженными людьми. Участь эта, как легко догадаться, миновала одного Планше – ввиду известных обстоятельств.

Ни один из благородных господ не обратил никакого внимания на пропажу слуг – какой дворянин станет подмечать такие мелочи? Точно так же ни один из гостей не приглядывался к лицам многочисленных слуг – не родился еще тот дворянин, что сможет отличить одного лакея от другого или запомнить хоть одного без особых на то причин. А меж тем тот, кто знал в лицо гвардейцев кардинала, мог бы при некотором напряжении ума найти странное сходство меж ними и этими самыми слугами – сходство столь полное, что человек, мистически настроенный, мог бы усмотреть тут дьявольские козни.

Но не нашлось ни внимательных, ни мистически настроенных. Один д'Артаньян, то и дело обнаруживавший знакомых среди лакеев, в конце концов понял, что все они без исключения еще вчера носили совсем другую одежду и шпагу в придачу...

Он держался в стороне – поскольку главный план заговорщиков отводил ему третьестепенную роль. А потаенный еще не вступил в действие...

Однако ему очень быстро напомнили, что внутри заговора существует еще парочка других, гораздо меньшего размаха, но, пожалуй что, более опасных, чем главный...

Незнакомый дворянин, улучив момент, когда они оказались одни в отдаленном углу, приблизился к нему вплотную и тихо сообщил:

– Арамис, вам передает привет барон Шеффилд...

– Я понял, – сказал д'Артаньян с непроницаемым лицом. – Значит, это вы должны мне сопутствовать?

– Да. Шевалье де Бриенн, к вашим услугам. Нам с вами предстоит, когда вареный рак окажется на булавке, позаботиться о герцоге Анжуйском, а вон тот дворянин окажет любезность принцу Конде... Вы, часом, не колеблетесь?

– Вы плохо меня знаете, дорогой Бриенн, – ответил д'Артаньян сквозь зубы. – Все пройдет отлично...

На самом деле он волновался – настолько, что впору было осушить целый кувшин мелиссовой воды⁹. То, что должно было случиться, не походило ни на поединок, ни на хитро-сплетения тайной войны, к которым он уже успел прикоснуться. сердце готово было выпрыгнуть из груди, и д'Артаньян поначалу удивлялся, отчего окружающие не слышат его отчаянный стук, прямо-таки шумную барабанную дробь...

Дверь большого зала распахнулась, вышел представительный мажордом – единственный настоящий слуга в эту минуту – и объявил торжественно, звучно:

– Гостей просят пожаловать к столу! его высокопреосвященство выйдет чуть позже и заранее извиняется за овладевший им недуг...

Первыми в зал двинулись герцог Анжуйский и принц. Длинный стол ломился от яств и бутылок – декорации требовали полнейшего правдоподобия, – вдоль стен выстроились подтянутые лакеи. Их аккуратные шеренги перемежались высокими драпировками, повешанными буквально час назад. Де Бриенн и мрачный дворянин в сером камзоле неотступно держались поблизости от герцога с принцем – а значит, д'Артаньяну предстояло не спускать глаз именно с них. Об остальных, его заверили, найдется кому позаботиться...

– его высокопреосвященство кардиналминистр!

Всякий непосвященный наблюдатель мог бы поклясться, что кардинал Ришелье и в самом деле поражен недугом: его почтительно вели под руки двое слуг, передвигался он с трудом, вместо кардинальской мантии на нем была обычная сутана с опущенным на лицо капюшоном. Шаркая ногами, кардинал грузно и неуклюже опустился в кресло с резными подлокотниками, сторбившись, словно ослабли поддерживавшие его невидимые нити. Д'Артаньян заметил, как несколько человек обменялись быстрыми, злорадными взглядами, – желанная добыча выглядела еще доступнее и беззащитнее, чем предполагалось...

«Наш кардинал – великий актер, – подумал д'Артаньян. – Так убедительно представить хворь и немощь...»

Он не сразу понял, когда все началось. Просто-напросто слева от него, совсем близко, вдруг послышалась резкая перепалка, с каждым мигom становившаяся все ожесточеннее и громче. Гости, так и не успевшие сесть за стол, с наигранным изумлением смотрели в ту сторону – и одновременно как бы невзначай расступались, оставляя проход, ведущий от ссо-

⁹ Мелиссовая вода – эфирное масло из лимонной мяты, в описываемое время употреблялась для укрепления нервной системы.

рившихся прямо к креслу кардинала. Что до Ришелье, он восседал в той же позе, сгорбившись и положив руки с расслабленными, растопыренными пальцами на широкие подлокотники, казалось, глухой и слепой ко всему происходящему.

- Да разнимите же их! – воскликнул кто-то, не трогаясь, впрочем, с места.
- Черт побери, я заставлю вас смыть оскорбление кровью! И немедленно!
- Что ж, извольте!
- Разнимите их!
- Вашу шпагу, к бою!
- Извольте!

Вот уже и клинки вырвались из ножен, не менее дюжины... Герцог Анжуйский, подавшись вперед всем телом, уставился на кардинала, и его лицо застыло в хищной гримасе – теперь д'Артаньян ни за что не сделал бы прежней ошибки, не спутал бы этого злобного и энергичного человека с вялым во всякое время дня и меланхоличным во всякое время года Людовиком...

Первые двое оказались совсем близко – и д'Артаньян на миг замер, видя, как острое, нацеленное в грудь сидящего кардинала, неотвратно приближалось к согбенной фигуре...

Но тут произошло нечто, изумившее его самого, не знавшего всех замыслов кардинала.

Скрюченная фигура, казавшаяся аллегорическим изображением всех духовных и телесных немощей, какие только преследуют доброго христианина на белом свете, вдруг с поразительной быстротой выпрямилась, словно взметнулась освобожденная стальная пружина. сверкнул клинок, во мгновение ока извлеченный из-под сутаны, – и рапира человека в рясе со звоном отбила шпагу так, что она вылетела из руки нападавшего.

Капюшон откинулся на спину – и д'Артаньян, к своему превеликому изумлению, увидел не лицо Ришелье, а знакомую хищную улыбку Рошфора, уже скрестившего шпагу со вторым злоумышленником. Вспомнив о своих обязанностях, д'Артаньян тоже выхватил шпагу, сделал выпад – как раз вовремя, чтобы пронзить запястье де Бриенна, уже выхватившего из-под камзола двустольный рейтарский пистолет и наводившего его в спину герцогу Анжуйскому. Глядя на него с невыразимым ужасом и удивлением, де Бриенн скрючился, громко охая и зажав ладонью левой руки кровоточащее запястье, – а д'Артаньян уже был возле мрачного дворянина в сером камзоле и без всяких дуэльных церемоний ударил его острием в бок. В самую пору – мрачный успел достать шпагу и ринуться было к принцу Конде...

Все это происходило посреди ошеломленной тишины – заговорщики застыли нелепыми статуями, на пару мгновений растерявшись...

Драпировки с треском распахнулись, и оттуда выскочил капитан де Кавуа – совсем не тот, каким д'Артаньян привык его видеть в семейном гнездышке. Нынешний капитан де Кавуа, несмотря на некоторую полноту, двигался проворно, как атакующий кабан. Вмиг вспрыгнув на ближайший стул и махнув шпагой, он закричал что есть мочи:

- Ко мне, гвардейцы! Да здравствует кардинал!
- Да здравствует кардинал! – отозвался многоголосый рев.

Многие обожают театральные эффекты, и капитан де Кавуа не был исключением... Зал тут же наполнился топотом ног и лязгом стали – из-за драпировок, из всех дверей выскакивали гвардейцы в красных плащах с серебряными крестами, со шпагами наголо. Из-за тех же драпировок мгновенно были извлечены звенящие охапки шпаг – и они, словно сами по себе разлетаясь по залу, оказались в руках мнимых слуг.

Вверху, на галерее, раздался частый и громкий стук – это выбежавшие с двух сторон гвардейцы опускали на перила свои мушкеты, целясь в оторопевших заговорщиков. Дымились многочисленные фитили, готовые после легкого движения указательного пальца прижаться к затравкам и воспламенить порох на полках.

Заговорщики сбились в кучу слева от стола – под прицелом пары дюжин мушкетов и вдвое большего количества шпаг, опоясавших острым кольцом толпу перепуганных, смятенных и сбитых с толку людей, еще не успевших в полной мере осознать, что все их замыслы рухнули в одно печальное мгновение.

Д'Артаньян среди них не было – когда стальное кольцо уже стало замыкаться, кто-то из незнакомых гвардейцев резко потянул его за локоть и весело крикнул в ухо:

– Не мешкайте, д'Артаньян, ваше место не там!

Гасконец отошел в сторону, спокойно убирая шпагу в ножны. Кое-кто косился на него со страхом.

– Оружие на пол! – взревел капитан де Кавуа, потрясая шпагой. – Все, какое только найдется! Живо, живо, мои прекрасные господа! Все оружие на пол, иначе, клянусь богом, я скомандую залп!

Его лицо, яростное и решительное, подкрепляло угрозу. Уже через какой-то миг по мраморному полу зазвенели брошенные шпаги, а кое-где глухо стучали пистолеты. Люди торопливо стаскивали через голову перевязи, мешая друг другу, поторапливая соседей:

– Живей, что вы копаетесь? Они же начнут стрелять!

Д'Артаньян видел, как герцог с принцем, поддавшись общей панической суеде, содрали с себя перевязи не хуже прочих и отбросили шпаги подальше. На лице красавчика Гастона уже не было другого выражения, кроме откровенного страха. Принц, правда, держался чуточку спокойнее, он сверкал глазами исподлобья и громко скрипел зубами, но со шпагой расстался столь же проворно, прекрасно помня, должно быть, разницу меж отвагой оправданной и бессмысленной. Любой человек с мало-мальским опытом вооруженных стычек мог бы очень быстро понять, что у застигнутых врасплох заговорщиков не было ни единого шанса, – как водится: страх и внезапность превратили орду убийц в скопище разобщенных трусов, где каждый был сам по себе и чувствовал себя невероятно одиноким. А потому заботился в первую очередь о сохранении своей жизни, единственной и неповторимой...

А противостояло им не менее шестидесяти гвардейцев, спаянных в единое целое волей своего капитана и готовых по первому знаку устроить резню, которую долго помнила бы и обсуждала вся европа...

И тогда появился настоящий кардинал (Рошфор, так и не успевший снять маскарадную сутану, стоял со шпагой наголо). Ришелье, не в красной кардинальской мантии, а в одежде для верховой езды и высоких ботфортах, вышел из почтительно распахнутой перед ним двери – совершенно спокойный на вид, чуточку мрачноватый, но от этого ледяного спокойствия несло плахой и железом. Твердо ставя ноги, он подошел к цепочке гвардейцев и какое-то время разглядывал замершую толпу разоблаченных заговорщиков. Под взглядом холодных светлосерых глаз одна за другой опускались головы, фигуры волшебным образом приобретали покорность и смирение, даже стонавшие раненые умолкли и постарались стать ниже ростом, опасаясь, что им будет уделено особое внимание. Как видел д'Артаньян, герцог с принцем не стали исключением – они напоминали жалких воришек, пойманных в бакалейной лавке разгневанным хозяином.

Ришелье посреди наступившей тишины произнес бесстрастно, не так уж громко:

– Любопытно бы знать, господа гости, почему вы все поголовно принимаете такое обхождение с вами, как должное? следовало бы ожидать, что хоть одна живая душа возмутится самодурством хозяина, обошедшегося с гостями столь неучтиво, вопреки всем традициям... Или вы справедливо полагаете, что с вами именно так и следует поступать?

– Ваше высокопреосвященство! – раздался чей-то отчаянный вопль. – Меня заставили! я не хотел!

Кричавший попытался пробиться через шеренгу молчаливых гвардейцев, но ближайšie к нему шпаги грозно придвинулись, и он, отпрянув, упал на колени, отчаянно вопя:

– Монсеньёр, господин кардинал! Меня заставили, я хотел сообщить вам все о заговоре, всех назвать, всех до единого! я просто не успел, так быстро все произошло... Можете не сомневаться, я бы непременно всех выдал! я не успел, не успел!

Стоявший совсем близко к нему принц Конде брезгливо поджал губы:

– Барон, черт бы вас побрал... Умейте проигрывать с достоинством, встаньте, наконец...

– Хорошо вам говорить! – совсем уж истерически завопил ползавший на коленях человек. – Вы-то королевской крови... Монсеньёр, сжальтесь, отделите меня от них! я просто-напросто не успел выдать вам все!

– Проводите этих господ в приготовленное для них место, – с тем же ледяным спокойствием распорядился Ришелье. – Всех. сделайте исключение только для господина герцога Анжуйского, с которым я намерен побеседовать...

Несомненно, тот план, в детали которого д'Артаньян не посвятили из-за того, что это ему было совершенно не нужно, был проработан до мельчайших подробностей, и каждый охотник прекрасно знал свое место и свою роль в этой облаве. Гвардейцы вмиг рассекли толпу на несколько кучек, как обученные пастушеские псы поступают с отарой овец – д'Артаньян посмотрелся такого у себя в Беарне, – и, окружив перепуганных злодеев, погнали к выходу, подгоняя рукоятями шпаг, в том числе и принца Конде.

На галерее вновь застучали сапоги – мушкетеры один за другим ее покидали. Д'Артаньян затоптался, не зная, как ему действовать теперь, но кардинал, за все время не бросивший на него ни одного взгляда, однако каким-то волшебным образом ухитрившийся видеть гасконца и помнить о нем, сказал вслед за властным мановением руки:

– Дорогой друг, оставайтесь. Вы мне еще понадобятся, право же...

– Ваше высочество... – произнес Рошфор сурово, указывая герцогу Анжуйскому на стул.

Он пальцем не тронул сына Франции, не повысил голос, но все равно у д'Артаньяна осталось впечатление, что младший брат короля рухнул на стул не сам по себе, а напутствуемый добрым тычком в спину. Быть может, так казалось и самому наследному принцу, сгорбившемуся на стуле с лицом несчастным и жалким, враз потерявшего не только величавость, но и простую уверенность в себе...

Рошфор встал за его спиной, забавляясь шпагой, – он то вытаскивал ее на ладонь, то резко бросал в ножны. Наблюдавший за этим со своей знаменитой загадочной улыбкой Ришелье не воспрепятствовал этой забаве ни словом, ни жестом – и д'Артаньян, немного обвыкшийся в компании кардинала и его людей, стал подумывать, что многое оговорено заранее...

Сын Франции страдальчески морщился, слушая это размеренное железное лязганье, но протестовать не смел, производя впечатление человека, растерявшего остатки достоинства.

Д'Артаньян, наоборот, испытывал пьянящую радость своей причастности к победе, вполне уместную и для более искушенного жизнью человека, – всегда приятно оказаться в стане победителей, особенно если ты не примкнул к ним после, а с самого начала был одним из них и приложил кое-какие усилия, сражаясь на стороне выигравшего дела...

– Подойдите ближе, дорогой друг, – сказал ему Ришелье, тонко улыбаясь. – Вам знаком этот человек, господин герцог?

Молодой герцог поднял на д'Артаньяна замутненные страхом глаза, определенно не в силах производить мало-мальски связные умозаключения:

– Это Арамис, мушкетер короля... – внезапно лицо его высочества исказилось, и он, тыча пальцем в д'Артаньяна, закричал, почти завизжал: – Это он! Это он по поручению герцогини де Шеврез ездил в Нидерланды и вел там переговоры...

– С кем? – спросил Ришелье.

– С Анри де Шале, маркизом де Талейран Перигор, гардеробмейстером ее величества... Это он, он привез письма!

– Ну разумеется, – мягко сказал Ришелье. – я знаю. Однако, ваше высочество, вы, сдается мне, несколько заблуждаетесь касательно имени и положения этого дворянина. его зовут шевалье д'Артаньян, и он один из моих друзей. Настоящих, верных друзей... (д'Артаньян возликовал после этих слов, сохраняя непроницаемое лицо). А посему вам должно быть понятно, что я о многом осведомлен гораздо лучше, чем вам всем казалось в гордыне своей... Вы, часом, не помните, с каким предложением пришли к господину д'Артаньяну, полагая его Арамисом?

– Я?! – ненатурально удивился сын Франции.

– Ну разумеется, вы. Вместе с принцем де Конде. Дело происходило в старинном дворце под названием Лувр, в покоях герцогини де Шеврез, при обстоятельствах, о которых мне, как духовному лицу, не положено подробно распространяться... Вы сделали мнимому Арамису некое предложение, касавшееся судьбы вашего брата...

– Это была шутка! – отчаянно вскричал герцог. – Обыкновенная шутка!

– Хорошенькие же у вас шутки, позвольте заметить... – сказал Ришелье, стоя над герцогом, как ожившая фигура Правосудия. – свергнуть короля, заточить его в монастырь и побыстрее убить... совершить то, что, безусловно, именуется отцеубийством...¹⁰ Каин, где брат твой, Авель?

– Что вы такое говорите, ваше высокопреосвященство? – охнул герцог, взирая снизу вверх на кардинала с трусливой покорностью. – Это была штука, шутка... Мы просто развлекались над глупым дворянчиком...

Ришелье слушал его с застывшим, холодным, презрительным лицом. Глядя на него, д'Артаньян впервые осознал в полной мере, кто же подлинный король Франции.

Столь же мягко, вкрадчиво Ришелье ответил:

– А что, если ваш старший брат, его христианнейшее величество Людовик отнесся к вашей шутке предельно серьезно? При всей его мягкотелости и нерешительности он, как всякий на его месте, при угрозе для жизни способен прийти в нешуточную ярость... Разумеется, и речи не может идти о суде – сыновья Франции неподсудны всем судам королевства вместе взятым и каждому по отдельности... Однако ваше преступление, покушение на отцеубийство, не может остаться без последствий. Любая огласка в столь деликатном деле послужила бы к ущербу для Франции и повредила бы нам в глазах всей остальной европы... Вы понимаете?

– Нет! – завопил герцог. – Он не мог приказать, чтобы меня тут зарезали, как свинью! Ни за что не мог!

– Вы уверены? – с неподражаемой улыбкой осведомился Ришелье. – Настолько ли хорошо вы знаете своего брата? ситуация такова, что любому ангельскому терпению может прийти предел...

– Он не посмел бы...

– Отчего же? Он – король, наш властелин, наш отец... Все мы в его власти. И почему вы непременно решили, что речь идет о смерти? есть ведь монастыри, Бастилия, наконец...

¹⁰ По законам того времени (да и всеобщему убеждению), король считался «отцом» Франции и умысел на его жизнь приравнивался к отцеубийству.

– Бастилия? – горько покривился герцог. – Вы не знаете Людовика... Он способен подписать смертный приговор всем и каждому... Боже! Монсеньёр, ради всего святого! Не хотите же вы сказать... Как мне спасти себя?

В какой-то миг казалось, что он вот-вот сползет со стула и рухнет перед кардиналом на колени – столько отчаяния и страха было во всей его фигуре. Д'Артаньян осмелился покопаться в сторону – лицо Рошфора застыло в презрительной гримасе.

– Монсеньёр, я всегда был расположен к вам...

– Особенно сегодня, когда явились во Флери меня убить? – сурово спросил Ришелье. – Герцог, перестаньте отпираться, как пойманный на краже варенья глупый мальчишка. Там, – он указал на дверь, в которой давным-давно скрылись арестованные, – и не только там найдется превеликое множество людей, которые ради спасения собственной шкуры расскажут все, что они знают... и даже то, чего не знают, лишь бы их слова понадежнее отягощали других и избавили от плахи их самих. Один из них, как вы только что видели и слышали, готов был покаяться незамедлительно... А вскоре каяться будут все. Вам так хочется, чтобы кто-то другой опередил вас в откровенности, вымолив прощение?

– Монсеньёр... – протянул герцог Анжуйский плаксиво, – что я должен сделать, чтобы вы взяли меня под защиту? я совсем молод, поймите это! Меня втянули во всю эту затею старые, опытные интриганы, собаку съевшие на заговорах еще до моего рождения! я был молод, глуп и горяч... Вы же духовная особа, вы великий человек, неужели ваш мудрый ум не разберется строго и беспристрастно? Пощадите мою юность, умоляю вас!

И он, сползши, наконец, со стула, рухнул на колени перед кардиналом, подняв к нему залитое слезами лицо.

– Господа, помогите его высочеству сесть, – не поворачивая головы и не повышая голоса, распорядился Ришелье.

Д'Артаньян с Рошфором, проворно подхватив принца крови под локти, не без труда подняли его и посадили на стул, крепко придерживая за плечи, чтобы исключить повторение сцены, позорившей, если подумать, всех ее участников.

– Хорошо, – сказал Ришелье, словно осененный внезапной мыслью. – я могу попытаться что-то для вас сделать. Но в обмен на полную откровенность.

– Можете не сомневаться, монсеньёр! Поклянитесь, что...

– Как духовному лицу, мне не пристало произносить клятвы, – сказал Ришелье. – Но, повторяю, если вы будете откровенны, я сделаю для вас многое...

– Что вы хотите услышать?

– Все знает только господь бог, – сказал Ришелье. – я не всемогущ и не всевидящ, я всего лишь скромный прелат и министр... В перехваченных письмах упомянуты далеко не все главные заговорщики. Кто еще участвует, кроме вас и принца Конде?

– Антуан де Бурбон, граф де Море...

Ришелье грустно усмехнулся:

– Не просто побочный сын Генриха Четвертого, а узаконенный им... Король Людовик пожаловал ему столько аббатств, что другой мог бы до конца жизни радоваться таким доходам... еще?

– Оба Вандома...

– Ну, эти, по крайней мере, – бастарды без всякого признания...¹¹ Далее?

– Маршал Орнано, мой воспитатель...

– А как насчет королевы-матери Марии Медичи? Во многом человеку понимающему чувствуется ее рука...

¹¹ Цезарь и Александр де Вандом – побочные сыновья Генриха IV от Габриэль д'Эстре (граф де Море – от Жаклин де Бей).

– Ну конечно! – горько расхохотался герцог. – Как же может такое вот дело обойтись без моей дражайшей матушки? Разумеется, она вложила в заговор весь свой ум и до сих пор не растраченные силы...

Кардинал задавал вопросы, а герцог Анжуйский покорно отвечал, искательно заглядывая ему в глаза. Д'Артаньян понимал, что Гастон говорит правду – иные детали невозможно было выдумать именно в силу их чудовищности. Постепенно вырисовывалась стройная картина, а герцог, уже немного успокоившись и осушив с разрешения кардинала поданный Рошфором стакан вина, говорил и говорил – о том, как королева-мать вкупе с супругой нынешнего монарха, наследным принцем и несколькими не менее родовитыми особами готовы были вновь впустить в Париж испанские войска, как сорок лет назад, лишь бы только добиться своего; как готовы были отдать испанцам за помощь пограничные провинции и крепости; как должны были заточить в монастырь короля Людовика, позаботившись о «божественном провидении», оборвавшем бы нить жизни свергнутого монарха; как собирались поднять парижан, захватить Арсенал и Бастилию, разгромить дома сторонников кардинала после смерти его самого...

Оказалось, что д'Артаньян не знал и половины. его все сильнее охватывало мрачное, тоскливое бешенство, так и подмывало, выхватив шпагу, вонзить острие в спину приободrivшегося хлыща, уже со спокойным лицом рассказывавшего о вещах, заставлявших еще не утратившую провинциальную чистоту душу гасконца переполниться ужасом и омерзением. Иные иллюзии рассыпались на глазах, бесповоротно гибли. Этот человек, уже позволивший себе пару раз улыбнуться, был сыном Франции, священной для провинциала фигурой...

– Вот и все, – сказал Гастон, утирая со лба обильный пот. – Честное слово, больше мне нечего сказать...

«Да как ты смеешь говорить о чести, мерзавец?» – вскричал про себя д'Артаньян. Должно быть, обуревавшие его чувства отразились на лице – потому что Ришелье, обратив на д'Артаньяна ледяной взгляд, чуть приподнял руку, вовремя остановив д'Артаньяна, готового уже совершить нечто непоправимое.

– Ну что же, ваше высочество... – задумчиво сказал Ришелье. – Боюсь, вам еще придется какое-то время побыть моим гостем... Прошу вас. Я сам покажу вам ваши покои.

И он, подав сыну Франции уверенную руку, повел его из зала.

– Что с вами, д'Артаньян? – тихо спросил Рошфор. – Вы жутко побледнели...

– еще минута – и я бы его проткнул шпагой, – сознался гасконец.

– Боюсь, я успел бы удержать вашу руку...

– Но как же это, граф... – сказал д'Артаньян в совершенной растерянности. – сын Франции, брат короля...

– Друг мой, – мягко сказал Рошфор. – Както, когда я ожидал вас дома, от скуки выслушал историю вашего Планше, у которого родные братья отобрали мельницу и выставили из дома... Право, это то же самое. Отчего вы решили, что в Лувре обстоит иначе? Вместо жалкой мельницы – корона, вот и все. Некая суть остается неизменной, как и побуждения завистливых претендентов, неважно, на мельницу или на королевство... Привыкайте, если вы собираетесь и далее жить в Париже... Все то же самое. Только простяга Планше этого никогда не узнает, а мы с вами – в худшем положении, нам приходится знать... Вопреки расхожему мнению, знание дворцовых тайн отнюдь не возвышает человека над окружающими, а наполняет его душу пустотой и грязью... Или вы не согласны?

– Согласен, граф, – с горестным вздохом промолвил д'Артаньян.

И поднял голову на звук шагов. Это возвращался кардинал – быстрой походкой человека, у которого впереди множество срочных дел.

– На коней, господа, на коней! – распорядился он. – Мы немедленно скачем в Париж – нужно навести порядок и там... Д'Артаньян, надеюсь, вам нет нужды напоминать, что

всего, чему вы только что были свидетелем, никогда не было? В конце концов, сын Франции – не только человек, но и символ... символу положено оставаться незапятнанным, а поскольку символ и человек связаны столь неразрывно, что разъединить их не может даже сама смерть... Шевалье?

Под взглядом его усталых и пронизательных глаз д'Артаньян понурил голову и тихо сказал:

– Я уже все забыл, монсеньёр... слово чести.

В душе у него была совершеннейшая пустота.

Глава четвертая

Справедливость его величества

Д'Артаньян вновь очутился в кабинете короля, том самом, где не так уж и давно получил в награду целых сорок пистолей, – а фактически целый клад, ибо для скупца Людовика расстаться с сорока пистолями было то же самое, как для кого-то другого – с сорока тысячами...

Отчего-то гасконцу казалось, что после разгрома заговора, после того, как король чудом избежал свержения и смерти, лицо его величества станет каким-то другим. Он и сам бы не смог толком объяснить, чего ожидал – некоего возмужания? Недвусмысленного отражения на лице короля державных мыслей? следов пережитого? Глубоких морщин и поседевшей в одночасье пряди волос?

Нонебылоничегоподобного. Какивпрошлую аудиенцию, перед почтительно стоявшим гасконцем сидел молодой человек с красивым, но совершенно незначительным лицом, исполненный той же самой презрительной меланхолии по отношению ко всему на свете. Показалось даже, что это и не король вовсе, не живой человек, а некая искусно сработанная кукла, которую перед аудиенцией извлекают из шкафа и тщательнейшим образом приводят в порядок, сдувая мельчайшие пылинки, а потом заводят изящным золотым ключиком, чтобы она произносила банальности, сопровождаемые порой милостивым наклоном головы.

Выпрямившись после почтительного поклона, д'Артаньян украдкой принялся рассматривать королеву, которую видел впервые. Что ж, герцог Бекингэм, даром что англичанин, отличался тонким вкусом...

Это была очаровательная молодая женщина лет двадцати шести, с изумрудными глазами и белокурыми волосами каштанового оттенка, белоснежной кожей и ярко-алыми губами – нижняя чуточку оттопырена, как у всех отпрысков австрийского королевского дома. Говорили, что именно нижняя губка придает улыбке королевы особенное очарование, – но сейчас Анна Австрийская не в силах была скрыть самое дурное настроение и даже злость. О причинах этого не было нужды гадать – гасконец понимал, что сам в этот момент был живой причиной, ожившим напоминанием о провале заговора. Как и кардинал Ришелье, стоявший с восхитительно невозмутимым лицом, выражавшим лишь преданность и почтительность как перед королем, так и августейшей испанкой. судя по всему, королева уже успела свыкнуться с мыслью, что вот-вот станет единоличной правительницей страны, избавленной от всякой опеки, неважно, мужа или первого министра, – и крушение надежд вряд ли сопровождалось добрыми чувствами к виновникам этого внезапного краха...

«Будь ее воля – растерзала бы, гарпия, – подумал д'Артаньян. – Но все же, все же... Какая женщина! Грешно оставлять такую в самом пошлом целомудрии, ничего удивительного, что роль утешителей берут на себя то английский фертик, то Мари де Шеврез...»

Здесь же присутствовал и Гастон Анжуйский, выглядевший невозмутимым и даже беспечным, но в глубине его глаз таилось нечто, от чего у встретившегося с ними взглядом гасконца невольно пробежал холодок по спине. «если этот молодчик когда-нибудь станет королем, мне конец, – трезво, холодно подумал д'Артаньян. – Пережитого унижения он ни за что не забудет и не простит. Ничего, будем надеяться, что божьей волей – или трудами какого-нибудь смертного – у Людовика все же появится законный наследник. А в случае чего... Уж я-то знаю, как попасть из Беарна в Испанию, что до Англии, то она и вовсе под боком...»

– Рад вас видеть, шевалье д'Артаньян, – сказал король вяло. – Вы, как мне говорили, от дуэльного шалопайства наконец-то перешли к серьезной службе короне...

– Заслуги шевалье д'Артаньяна поистине неоценимы, – сказал кардинал. – Кто знает, как могли бы обернуться события, не окажись он в самом центре заговора и не действуй с величайшей сметливостью и хладнокровием во благо вашего величества...

– Да, я понимаю, – сказал король тем же невыразительным, сонным голосом. – я понимаю, господин кардинал. Провидению для того и угодно было возвести меня на мое нынешнее место, чтобы я мог с полуслова отличать государственной важности дела от... от всех прочих. А здесь речь, без сомнения, идет о важнейшем государственном деле. Примите мою благодарность, шевалье д'Артаньян, вы оказали своему королю неоценимую услугу. Не так ли, мадам? – повернулся он к Анне Австрийской.

И вот тут-то в нем появилось нечто человеческое: его обращенный к супруге взгляд светился такой злобой и отвращением, что д'Артаньян не на шутку испугался угодить в Бастилию – исключительно за то, что стал свидетелем этого взгляда монарха...

– Вы совершенно правы, Людовик, – ровным голосом сказала Анна. – Этот дворянин, несмотря на юные годы, показал себя дельным и преданным слугой вашего величества, и я его непременно запомню...

Она улыбнулась гасконцу милостиво и приветливо, благосклонно и благодарно, но в самой глубине ее изумрудных огромных глаз, как и у герцога Анжуйского, пряталось нечто такое, отчего у д'Артаньяна вновь побежали по спине мурашки. еще и оттого, что внешне взгляд королевы был еще более безмятежен, чем у герцога, – а вот то, таившееся в глубине, выглядело еще более опасным... Куда до нее было Гастону...

«Точно, пропала моя голова, если в государстве произойдут некие перемены, – убежденно подумал д'Артаньян. – Ну что ж... Фортуна моя, как окончательно стало ясно, дама решительная и не признает полутонов – одни только крайности. Не мелочится нисколько. Уж если мне было суждено завести лютых врагов – извольте, вот вам в качестве таковых ее величество королева и наследный принц... В чем мою Фортуну не упрекнешь, так это в отсутствии размаха... Куда уж дальше? Не знаешь, радоваться или печалиться...»

– Вот именно, запомните, сударыня, – сказал король голосом, в котором впервые зазвонел металл. – Запомните, что у меня есть верные и преданные слуги, способные уберечь своего короля от любых опасностей... Не слишком ли скупы вы отблагодарили шевалье д'Артаньяна? Вы, насколько мне известно, намереваетесь создать свою гвардию? Не следует ли сделать капитаном этой не существующей пока роты как раз господина д'Артаньяна?

– Ваше величество! – воскликнул гасконец чуть ли не в тот же миг. – Умоляю избавить меня от столь незаслуженной чести! я еще слишком молод и неопытен, чтобы стать сразу капитаном, тем более гвардии ее величества! сейчас я, можно сказать, на службе у его высокопреосвященства, и это вполне соответствует моему возрасту и небогатому жизненному опыту...

Он взмолился в душе небесам, чтобы избавили его от столь сомнительной чести, – слишком хорошо понимал, что в этом случае его жизнь превратилась бы в ад. Королева в десять раз опаснее трусливого и недалекого Гастона, при всем его уме и энергии Анна Австрийская даст ему сто очков вперед. И, без сомнений, найдет способ погубить навязанного ей капитана...

– Пожалуй, ваше величество, шевалье д'Артаньян совершенно прав, – поддержал Ришелье. – Он еще молод для такой службы...

– Ну что же, насильно мил не будешь, – с прежней вялостью промолвил король. – Насильно я никого не собираюсь возвышать – не зря же меня называют Людовиком справедливым... Вот именно, Людовиком справедливым! А посему подведем некоторые итоги, господа мои... Я повелел заключить в Венсенский замок этих наглых и неблагородных бастардов де Вандомов, а также маршала Орнано. Де Шале, ваш гардеробмейстер, сударыня, вкупе с парой дюжин заговорщиков поменьше калибром препровождены в Бастилию. если они

оттуда и выйдут, то исключительно для того, чтобы проделать путь до Гревской площади. Что касается графа де Море – он под домашним арестом. Как-никак узаконенный потомок великого Генриха, господя, а значит, с юридической точки зрения, мой сводный брат... Герцогиня де Шеврез... – Он снова бросил ядовитый взгляд в сторону королевы. – Мы еще подумаем, как поступить с этой вздорной особой, развратной и злонамеренной. Я бы ее с превеликим удовольствием выслал, но боюсь, что половина мужского населения Парижа упадет в нешуточное уныние...

«Эх, если бы только мужчины... – подумал д'Артаньян. – Любопытно, что вы сделали бы с вашей супругой, мой король, знай вы все о госпоже де Шеврез?»

– Участью заговорщиков вовсе уж мелкого пошиба я не намерен забивать себе голову, – продолжал король. – Возьмите на себя и эту заботу, любезный кардинал... И без глупого милосердия, учтите! Что касается моего брата, герцога Анжуйского, столько сделавшего для разоблачения заговора...

Д'Артаньян, смотревший во все глаза, заметил: как ни старался юный герцог казаться спокойным и безразличным, во всей его фигуре чувствовалось напряженное ожидание и страх...

– Что касается моего брата, то я принял решение передать ему герцогство Орлеанское, после смерти последнего обладателя этого титула лишившееся сеньора, – продолжал король к огромному облегчению младшего брата и удивлению д'Артаньяна. – Отныне мой брат будет именоваться Гастоном, герцогом Орлеанским, каковой титул сохраняется за всеми его потомками мужского пола, а также, в предусмотренных законами королевства случаях, и женского...

«ей-богу, это и называется – из грязи да в князи! – воскликнул про себя гасконец. – Орлеан – это вам не Анжу... Ну а я-то?»

Словно угадав его мысли, король повернулся к нему:

– Теперь о вас, шевалье... Неблагодарно и неблагодарно было бы оставлять вас без заслуженной награды. Всесторонне обдумав все, я решил, в соответствии с вашим характером и пристрастиями, оказать вам честь... Отныне вы – гвардеец мушкетеров кардинала.

Он замолчал. Когда пауза затянулась недопустимо долго – потому что гасконец тщетно ждал чего-то еще, – сильные пальцы Ришелье сжали локоть д'Артаньяна, и тот, опомнившись, рассыпался в благодарностях, как и полагалось по этикету.

Он по-прежнему, закончив пышные цветистые изъяснения благодарности, ждал – хотя бы сорока пистолей, черт побери! Хотя бы перстня с пальца! Не обязательно с алмазом, лишь бы был с собственно его величества руки!

И не дождался. Король поднялся, а это означало, что аудиенция окончена, и только деревенщина может этого не понимать...

Шагая рядом с кардиналом по длинным коридорам Лувра, д'Артаньян горестно думал: «В самом деле, хотя бы полсотни пистолей прибавил к красному плащу, прах меня побери! Хороша милость, нечего сказать! Конечно, красный плащ – отличная вещь, но эту милость в состоянии оказать сам Ришелье, своей собственной волей... Волк меня заешь, как измельчали короли! В старинные времена, рассказывают, все было совершенно иначе. „Любезный д'Артаньян, – сказал бы какой-нибудь старинный король вроде Карла Великого, Пипина или Дагобера. – Жалую вас бароном, а в придачу владейте отныне всеми землями, что простираются от той реки до той вон горы, и горе тому, кто посмеет оспорить мою волю!“ Нет, в старину люди умели одаривать по-настоящему – зато за них и дрались, как львы! Положительно, все мельчает! И короли тоже!»

У него даже зашевелилась еретическая мысль – а на ту ли лошадь он поставил. Д'Артаньян тут же прогнал ее, конечно. Дело было вовсе не в обиде на столь ничтожную награду – о награде он вообще как-то не думал, спеша тем утром в Пале-Кардиналь.

Дело было в короле. Точнее, в полном крушении провинциальных романтических представлений д'Артаньяна о столичном городе Париже, королевском дворце и человеке, восседающем на троне. Жизнь не имела ничего общего с теми красивыми картинами, что представляешь себе в гасконском захолустье. совсем недавно ему казалось, что всякий король невероятно мудр и неизъяснимо справедлив, всякий наследный принц благороден и честен, всякая королева незамутненно чиста и добра, а окружающие их сановники и министры – сплошь светочи ума и олицетворение преданности. Ну, а если случаются досадные исключения, то виной всему злокозненные иностранцы вроде Кончини.

Сейчас эти беарнские благоглупости рассыпались прахом. Хуже всего было, что Рошфор оказался прав: побуждения особ королевской крови ничем по сути не отличались от грызни Планше и его братьев за мельницу, сами эти особы были мелкими, порой жалкими, и чем, скажите на милость, королева Франции отличалась от распутной женушки покойного г-на Бриквиля?!

Мрачнее тучи он сел в карету рядом с кардиналом – и долго молчал, пока Ришелье не повернулся к нему:

– Вы очень огорчены, д'Артаньян?

– С чего вы взяли, монсеньёр?

– Вы еще плохо владеете лицом, дорогой друг... Неужели вы всерьез рассчитывали выйти из Лувра бароном или кавалером ордена святого Духа?

– Позвольте мне быть с вами откровенным, монсеньёр, – сказал д'Артаньян. – Как-никак вы духовное лицо и мой наставник на жизненном пути... Нет, конечно, я не рассчитывал на баронство, но мне все же казалось, что награда будет другой... Или нет, не то... Я боюсь собственных мыслей, но мне представляется, что его величество словно бы даже не совсем понял, от чего мы его избавили... Мне показалось, он вовсе не считал себя хоть самую чуточку обязанным...

– Вы, положительно, умны, – сказал Ришелье после короткого молчания. – сумели проникнуть в суть. Избави вас бог вести такие разговоры с кем-то другим кроме меня или, скажем, близких мне людей, но... Вы совершенно правы. его величество попросту не понял, что следует вас поблагодарить. На его взгляд, все происходящее было совершенно естественно. Разве вы сами всякий раз благодарите своего слугу за поданные сапоги или вычищенную шпагу? То-то. Что поделать, д'Артаньян, быть благодарным – большое искусство и несомненное достоинство, а ими владеют далеко не все короли, поскольку обладание этими качествами означает совсем другой характер и... – Он колебался, но все же закончил: – и совсем другой размах личности, ее, так сказать, масштаб...

д'Артаньян, удрученный и растерянный от столь неожиданного и удрученного своего посвящения в интимнейшие секреты королевства, все же отважился спросить:

– Значит, вы полагаете, монсеньёр, что другой, не колеблясь, пролил бы иную благородную кровь?

Брошенный на него взгляд Ришелье был холоднее льда. Однако кардинал, несколько минут просидев в молчании, все же произнес:

– Как знать... Вполне возможно. Но, знаете ли, очень трудно порой пролить родную кровь, для этого требуется немалая сила воли, решимость и много других черт характера, которыми не все из ныне живых обладают. А впрочем, д'Артаньян... В характере государя нашего Людовика, поверьте, полностью отсутствует наивность. Ничего подобного нет. Вот и сейчас... с одной стороны, герцогство Орлеанское по некоему неписаному ранжиру гораздо выше герцогства Анжуйского, как капитан выше сержанта. с другой же... Анжу гораздо дальше от Парижа, его владелец чувствует себя вольготнее вдали от трона, к тому же Анжу обладает морским побережьем, и, если кто-то захочет беспрепятственно сноситься с заграницей, ему невозможно помешать. Там может высадиться целая армия. И замок Анжу –

самая мощная крепость в долине Луары, иные из ее семнадцати башен достигают чуть ли не сорока туазов в высоту, а стены сложены из гранита. Меж тем замок Блуа, резиденция герцогов Орлеанских, – скорее роскошный охотничий дом без укреплений. Положительно, в характере Людовика нет наивности... Конечно, он... не похож на некоторых своих предков. Но что поделать, шевалье, если у нас с вами нет другого короля? Мир, увы, превратится в хаос, если люди станут сами решать, кто достоин ими управлять, а кто нет, если начнут всякий раз ломать заведенный порядок и нарушать существующие законы, как только тот или иной властелин перестанет их устраивать. Это было бы губительно еще и потому, что сколько людей, столько порой и мнений... Вот так-то, друг мой. Нам с вами выпало на долю поддерживать существующий порядок, все равно, хорош он или изобилует недостатками, все равно, лев во главе леса или... Вы понимаете меня?

– Да, монсеньёр, – печально ответил д'Артаньян. – Что ж, вы, как всегда, правы... Это правильно. Но я-то – я, по крайней мере, получил плащ гвардейца, а вы и вовсе ничего не получили...

– Вы полагаете? – усмехнулся Ришелье. – я, любезный шевалье, получил Францию, на какое-то время избавленную от долгой, повсеместной и кровавой смуты, – а это, можете мне поверить, само по себе награда... Вот и все обо мне. Теперь поговорим о вас. *Qui mihi discipulus...*

– Простите, монсеньёр?

– Ах да, я и забыл, что латынь – не самая сильная ваша сторона... – и Ришелье повторил по-французски: – Тот, кто мой ученик, обязан серьезно относиться к словам и предостережениям учителя... если только вы согласны числиться среди моих учеников.

– Почту за честь, монсеньёр!

– В таком случае, извольте побережись, – сказал Ришелье. – Вы сами понимаете, кого против себя настроили. Готовьтесь к ситуациям, когда мое имя не сможет послужить щитом, а верных мне шпаг может не оказаться поблизости. Вам не простят Зюдердама и замка Флери, уж будьте уверены. Умерьте гасконский задор и будьте готовы к любым сюрпризам. Уклоняйтесь от дуэлей, насколько возможно, – да-да, вот именно! Ибо любая дуэль может оказаться не дуэлью, а предлогом для беззащитного убийства... или судебной расправы. Когда вы пойдете куда-нибудь вечером, пусть вас сопровождает слуга с мушкетом, а лучше двое. Выходя из дома, не поленитесь посмотреть вверх – на голову вам может обрушиться балка или камень. Мостик под вами может оказаться подпилен. В ваш стакан может быть подсыпан яд. Вообще, старайтесь без особой нужды не выходить из дома даже светлым днем – и пореже оставаться в одиночестве даже в центре Парижа. Бойтесь женщин – они губили даже библейских богатырей... Запомните все это накрепко, речь идет о вашей жизни...

– Разумеется, монсеньёр, – почтительно ответил д'Артаньян.

Но мы с прискорбием должны сообщить читателю, что гасконец, подобно многим сорвиголовам столь юного возраста и неумной бравады, посчитал эти предостережения чрезмерно преувеличенными, а опасения кардинала – излишними. В конце концов, он, по его твердому убеждению, был чересчур мелкой сошкой для столь высокопоставленных и могущественных особ, занятых сварами и враждой с особами своего полета. Как выражаются в Беарне, страшнее разъяренного медведя зверя нет, но муравей всегда проскользнет меж медвежьими когтями. А для ее величества и новоявленного герцога Орлеанского рядовой мушкетер роты гвардейцев кардинала, пусть и доставивший несколько неприятных минут, был, в сущности, муравьем – вроде тех рыжих, которыми богаты гасконские леса... Д'Артаньян в этом нисколько не сомневался. «Перемелется и забудется», – подумал он беззаботно, уже придя в относительно хорошее расположение духа: как-никак предстояло примерять у портного красный плащ с вышитым серебряной канителью крестом...

Планше встретил его, улыбаясь во весь рот и напустив на себя столь таинственный вид, что это заметил даже д'Артаньян, всецело поглощенный собственными мыслями, как радостными, так и угрюмыми.

– Что случилось? – спросил д'Артаньян, у которого перед глазами все еще стоял большой зал замка Флери, а в ушах звенела сталь.

– Небольшой сюрприз, сударь... Можно сказать, неожиданный подарочек, намедни прибывший...

– Так неси его сюда.

– Мне бы самому хотелось это сделать, сударь, но я не смею...

– Что за черт, я тебе приказываю!

– Все равно, сударь, как-то неудобно...

– Отчего же?

– Подарок, сударь, как бы правильнее выразиться, сам пришел...

– Прах тебя разрази, он что, живой?

– Живой, только это не «он»...

– Планше! – рявкнул д'Артаньян, осерчав и потеряв всякое терпение. – Вот такие вот, как ты, и строят ратушу¹², дьявол тебя побери со всеми потрохами! Назначь тебя интендантом строительства¹³, оно, богом клянусь, и при наших внуках будет продолжаться! стой, а это что такое?

– Письма, сударь, целых два... Давненько уж принесены.

– Планше, ты меня в гроб загонишь, – сказал д'Артаньян, взяв со столика в прихожей два запечатанных конверта. – следовало бы тебя вздуть наконец, но сегодня очень уж радостный для меня день... Перед тобой – гвардеец его высокопреосвященства!

– Мои поздравления, сударь! Так вот, что касемо подарка, то бишь, быть может, находки, самостоятельно приблудившейся...

– Погоди, – сказал д'Артаньян, рассматривая конверты и гадая, распространяются ли на них предостережения кардинала. В конце-то концов, матушку Генриха Наваррского отравили с помощью ядовитых свечей, еще кого-то – перчатками, короля Карла IX, по слухам, – пропитав отравой страницы книги, а кто-то еще умер, всего лишь понюхав отравленное яблоко. Правда, это было в старые времена, при екатерине Медичи с ее итальянскими умельцами по части изощреннейших ядов, а наша прелестная королева Анна Австрийская никаких итальянцев при своей особе не держит, как и принц Анжу... черт, уже Орлеан...

Один конверт был большой, квадратный, запечатанный большой черной сургучной печатью с гербом, показавшимся д'Артаньяну определенно знакомым, хотя он и не мог вспомнить в точности, чей это герб. Вообще письмо даже с первого взгляда носило серьезный, официальный вид.

Второй же конверт – продолговатый, гораздо меньше, от него исходил явственный аромат тонких духов, и запечатан он был зеленым воском с оттиском голубки, несущей в клюве розу.

После недолгих колебаний д'Артаньян сначала сорвал печать с квадратного конверта, как более строгого и казенного.

«Капитан королевских мушкетеров де Тревиль свидетельствует свое почтение шевалье д'Артаньяну и крайне желал бы встретиться с ним завтра у себя дома в семь часов вечера».

«В семь часов вечера еще светло, – подумал д'Артаньян. – Интересно, с чего бы это вдруг он вспомнил обо мне? Ладно, как бы там ни было, а де Труавиль, пусть и именуется

¹² Строительство парижской ратуши было начато в 1533 г. и во время описываемого разговора все еще продолжалось.

¹³ В ту эпоху интендантом именовался не снабженец, а чиновник, занятый управлением провинции, строительством, каким-нибудь государственным учреждением.

сейчас де Тревилем, вряд ли станет устраивать ловушку, да еще в собственном доме... Пожалуй, можно и нанести визит, любопытно, что ему от меня теперь понадобилось...

Он распечатал второй конверт – и не удержался от радостного восклицания.

«Любезный шевалье д'Артаньян! Пожалуй, я соглашусь прогуляться с вами завтра по Сен-Жерменской ярмарке, если вы пообещаете упоминать о своих пылких чувствах не чаще одного раза в минуту, а также не станете питать вовсе уж бесцеремонных надежд. Жду вас в доме на Королевской площади, когда часы пробьют два – разумеется, дня».

Подписи не было, но она и не требовалась. Д'Артаньян, прижимая письмо к сердцу, пустился в пляс по комнате от стены к стене – и опомнился лишь, перехватив изумленный взгляд Планше.

– Планше! – вскричал он, не теряя времени. – я тебе дам поручение чрезвычайной важности! Не позднее часа дня, завтра, мне необходим плащ гвардейца кардинала. Обегай весь Париж, найди портного, а если надо – дюжину, не жалея ни денег, ни ног – и будешь щедрейше вознагражден. Что ты стоишь? Бегом, сударь, бегом!

– А... Она в соседней комнате...

– Она? Твой загадочный подарок?

– Ну да...

– Ладно, ладно! – воскликнул д'Артаньян, топая ногой. – сейчас посмотрим... Беги к портному, несчастный, или я тебя проткну насквозь! Ты слышал, не жалеть ни ног, ни денег! Плачу золотом по весу, если понадобится!

Когда Планше опрометью выбежал за дверь, д'Артаньян, несколько заинтригованный, направился в соседнюю комнату, служившую ему кабинетом – то есть местом, где гасконец практически не бывал, ведь он не был ни поэтом, ни государственным деятелем.

– Волк меня заешь! – воскликнул он, останавливаясь на пороге. – В самом деле сюрприз! Малютка Кати! Какими судьбами, моя прелесть?

– Ах, сударь! – с глазами, полными слез, пролепетала молоденькая смазливая пикардийка, служившая горничной у герцогини де Шеврез. – Мне было так страшно и некуда было идти... Я подумала, что вы-то примете участие в судьбе бедной девушки... Я боюсь и хозяйку, и ее...

– Кого – ее?

– Здешнюю домовладелицу... Мне кажется, она меня узнала... Посмотрела так, что я до сих пор себя не помню от страха...

– Ну-ну, милочка! – сказал д'Артаньян, крутя ус. – Могу тебя заверить, что в покоях гвардейца кардинала ты в полной безопасности.

– Сударь, значит, вы теперь...

– Вот именно, – гордо сказал гасконец. – его величество и господин кардинал ценят преданных людей...

– Значит, вы сможете меня защитить...

– Да против всего света! – заверил д'Артаньян, озирая ее с приятностью, – заплаканная и перепуганная, малютка все же была очаровательна. – Мы, гвардейцы кардинала, слов на ветер не бросаем, а шпаги у нас длинные, да и Бастилия при нас, если что! Ну-ка, садись вот сюда, выпей стаканчик божансийского и расскажи, что у тебя стряслось. Я так понимаю, ты сбежала от своей хозяйки?

– Пришлось, сударь, – подтвердила девушка, дрожа всем телом и робко приняв протянутый стакан. – Она так сердилась, осыпала меня такими словами и обещала, что меня сбросят в мешке в суну с перерезанной глоткой...

– Вот тебе на! Это за что же?

– Она говорит, что это я во всем виновата. Что это из-за меня рухнули все ее планы, и не только ее... Вы понимаете, какие?

– Конечно, – сказал д'Артаньян, посерьезнев. – Уж мне ли не понимать...

– Вот видите... Она кричала, что, если бы я не отдала письмо в другие руки, ничего бы и не случилось... А откуда я могла знать, что господин Планше – ваш слуга, а вовсе не домохозяина? Герцогиня мне и словечком не заикнулась, что в доме живете вы, – она считала, что тут живет только Бонасье... При чем же здесь я? Ну откуда я могла знать? Про жильца и речи не было... А она грозит, что велит меня прирезать, сбросить в сену или продаст туркам, а то и придушит собственными руками... Она себя не помнит от ярости, мечется, как дикий зверь...

– Что ж, ее можно понять, – самодовольно усмехнулся д'Артаньян. – Наверняка в жизни не бывала так одурочена...

– Вы правы, сударь, оттого она и бесится... И потом, я боюсь, что мне не жить еще и из-за Лувра...

– А при чем здесь Лувр? – насторожился гасконец. Кати опустила голову, ее щеки запунцовели:

– Стыдно рассказывать...

– Ничего, – сказал д'Артаньян, вновь наполняя ее стакан. – Не забывай, что я состою на службе кардинала, а поскольку он – духовная особа, то и я некоторым образом как бы духовное лицо...

Девушка отпила из стакана и, расхрабрившись от вина, подняла голову:

– Два дня назад, еще до того, как выяснилось, что вы – фальшивый Арамис, герцогиня куда-то собралась на ночь глядя и велела мне ее сопровождать. Мы пришли прямехонько в Лувр, там она меня повела какими-то боковыми лестницами, запутанными переходами, мы пришли в какую-то спальню, и там она велела мне раздеться, лечь в постель. Я испугалась, но она прикрикнула, и я повиновалась... Когда я лежала в постели, пришла дама, молодая и красивая, с зелеными глазами и надменным личиком, в роскошном пеньюаре – первосортный лионский батист, валансьенские кружева, рюши на оборочках, прошивки...

– Черт возьми, оставь ты пеньюар в покое!

– Сударь... Это была королева Франции!

– Она представилась? – усмехнулся д'Артаньян.

– Нет, там все было иначе... Она сбросила пеньюар, легла ко мне в постель, обняла с ходу и стала вольничать руками почище наших парней в Пикардии. Я, сударь, надо вам сказать, не монашка, – она послала д'Артаньяну сквозь слезы взгляд, исполненный боязливого кокетства. – У меня в жизни случаются маленькие радости... если кавалер видный и мне по нраву. А чтобы с женщинами, это как-то не по-правильному, хоть герцогиня мне и втолковывала, что нет никакой разницы... В общем, я начала вырываться, тогда герцогиня прикрикнула, чтобы я не ломалась и была послушной, потому что меня удостоила объятий сама королева Франции... Я прямо обмерла, вспомнила – ну да, точно, это ж она, на портрете, что висит в особняке герцогини! Королева! я чуть со страха не умерла. А королева смеялась и тоже шептала на ухо, чтобы я не ломалась, иначе она кликнет стражу и велит отрубить мне голову... Ну куда было деваться бедной девушке из семьи сапожника? я говорила королеве, что ничего такого не умею, а она отвечала, что это-то и есть самое пикантное... В общем, я перестала сопротивляться, и ее величество начала со мной проделывать такие вещи, такие вещи... стыд сказать. Такому она меня учила, что мой папенька, старого закала человек, точно бы обеих пристукнул бы лопатой, если бы увидел... Не посмотрел бы, что это королева... А потом герцогиня к нам присоединилась, и началось вовсе уж бесстыжее...

– Представляю, – проворчал д'Артаньян.

– И не представляете, сударь... Такой срам для богобоязненной девушки! – Она, помолчав, призналась: – Королева мне потом подарила сережки с алмазиками и сказала, что это только начало, если я буду умницей, она меня золотом осыплет... По чести вам признаться,

сударь, одно это я бы как-нибудь перенесла. Такая уж судьба у бедных служанок – то хозяин, то, как выясняется, хозяйка... Куда тут денешься, если родился в лачуге? Но потом, когда обнаружилось, кто вы такой, когда герцогиня стала всерьез рассуждать, как она со мной раздается, я решила, что она мне и Лувр припомнит, вернее, решит, что ради вящей тайны надо меня сжить со свету и за то, и за это... Я, когда она отлучилась, собрала в платок кое-какие мелочи и кинулась бежать со всех ног... Кроме как к вам, и податься некуда... Может, вам нужна служанка?

«Эх, не будь я влюбленным... – подумал д'Артаньян игриво. – Нет, сейчас как-то неприлично даже...»

– Служанка мне не нужна, – сказал он. – У меня и Планше-то от безделья мается, торчит на улице день-деньской, так что его с другими путают... Но ничего, постараемся что-нибудь придумать.

– Сударь, но ваша домовладелица... Она же частенько бывала у герцогини...

– Я знаю, – сказал д'Артаньян. – Больше, чем ты думаешь. Ничего, не стоит ее бояться.

По сути, она такая же служанка, как и ты, мелкая сошка... Вот что, если...

В дверь деликатно поскреблись, и ворвался запыхавшийся Планше.

– Сударь! – радостно завопил он с порога. – Все уладилось! И далеко ходить не пришлось! Тут, на углу, есть портной, и не просто портной, а цеховой мастер. сначала он отнекивался и пыжился, но я, как вы велели, стал набавлять цену... Когда дошло до двадцати пистолей, он сдался. сказал, что плащ к завтрашнему утру будет готов. Вы мне ничего такого не поручали, но я решил, что лучше переждать, чем недождать, и сказал ему: если не справится, как обещал, вы его засадите в Бастилию или проткнете шпагой, а то и все вместе... если что, с меня, со слуги, спрос маленький, вы-то мне ничего такого говорить не поручали, это я сам придумал... Правильно я сделал?

– А почему бы и нет? – подумав, одобрительно кивнул д'Артаньян. – Молодец, Планше. И вот что... Эта девушка – в затруднительном положении. ее надо устроить куда-нибудь в услужение в Париже, но, во-первых, подальше от улицы Вожирар, а во-вторых, лучше, если хозяева будут кардиналистами... сможешь ей помочь?

– Да запросто, сударь! – не раздумывая, ответил Планше. – Надобно вам знать, в обществе я пользуюсь некоторым весом и авторитетом...

– В каком еще обществе, бездельник?

– То есть как это – в каком? – удивился Планше. – В обществе парижских слуг, сударь. Не прогневайтесь на глупом слове, но в Париже слуги составляют общество... о, я не смею сказать «как благородные господа» – просто у слуг есть свое общество. Тут все зависит от того, кому служишь. самая верхушка – это королевские слуги, они до прочих и не снисходят вовсе. Потом идут кардинальские, герцогские, графские... Вам это, сударь, вряд ли интересно, но могу вас заверить: тут царит строгий порядок и продуманная система. есть почтенные члены общества, а есть люди с подмоченной репутацией, которых ни за что не примут, например, в лакейской герцога Люксембургского, нечего и пытаться...

– Ах ты, мошенник! – воскликнул д'Артаньян. – Так ты, значит, не последний человек в этом самом обществе?

– Выходит, что так, – скромно потупился Планше. – Поскольку отблеск вашей бретерской славы падает и на вашего верного слугу, иные двери передо мной открыты даже там, где не принимают слуг баронов. А уж теперь, когда вы в милости у кардинала и служите в его гвардии, меня, пожалуй что, пригласит на обед дворецкий Роганов, который раньше на мои поклоны и головой не кивал, проходил, как мимо пустого места... В общем, я нынче же использую все свои связи и добьюсь, что по моей рекомендации эту девицу возьмут в хороший дом.

– Черт знает что, – проворчал д'Артаньян. – У слуг, оказывается, тоже есть общество...

Он был удивлен не на шутку. Понимал, конечно, что слуги где-то и как-то существуют даже в то время, когда их нет на глазах, но все же странно было чуточку, что у них, оказывается, есть своя сложная иерархия, своя жизнь, визиты и интриги. Где-то в подсознании у него прочно сидела уверенность, что слуг, когда в них нет потребности, как бы и на свете нет. А оно вон что оказалось...

– И вот что еще, сударь... – сказал Планше, помявшись. – Не мое дело давать советы хозяину, но не лучше ли нам отсюда съехать?

– Это еще почему?

– Ну, сударь... Вы же понимаете, как к нам теперь будут относиться хозяева... еще утром лакей капитана де Кавуа рассказывал в избранном обществе, как славно вы провели всех этих сановных господ, да я и сам после Нидерландов смекаю, что к чему... Здешний слуга уже нарывался на драку, а каков слуга...

– Ваш человек прав, – поддержала Кати. – Ваши хозяева – прислужники герцогини...

– Ну и что? – воскликнул д'Артаньян, выпрямившись во весь свой рост и гордо подбоченясь. – Коли уж я не боялся иных высоких господ, не пристало мне опасаться их слуг – какого-то жалкого галантерейщика и кастелянши, пусть и присматривающей за носовыми платками и продранными чулками не где-нибудь, а в Лувре! Мы остаемся, Планше. слугу Бонасье можешь вздуть, коли охота, но с четой Бонасье изволь быть образцом вежливости, ты понял? Улыбайся им сладчайше, здоровайся почтительнейше... словом, пересаливай, черт возьми, соображаешь?

– А как я при этом должен на них смотреть? – с ухмылкой уточнил сообразительный малый. – Допустима ли, сударь, в моем взгляде хоть малая толика нахальства?

– Весьма даже допустима, – расхохотался д'Артаньян. – В твоём взгляде, любезный Планше, допустимы и нахальство, и насмешка, и откровенный вызов, вообще все, что ты в состоянии выразить взглядом. Но на словах ты – образец почтения. Черт возьми, пусть их покорежит! Будут знать, как лезть в интриги высоких господ! Но слугу – вздуть как следует при малейшей задиристости с его стороны. Лакей д'Артаньяна должен вести себя соответственно!

– Ах, сударь! – с чувством сказал Планше. – Ах, сударь! Лучше вас, право, нет и не было на свете хозяина! Меня обуревают желания...

– Выпить за мое здоровье, разумеется? – догадался д'Артаньян. – Нет уж, Планше, не время! сначала устрой эту девушку на хорошее место, а потом займись моим гардеробом. Завтра у меня встреча... быть может, самая важная в моей жизни.

– О, сударь! Неужели вас опять приглашают в Лувр?

– Не совсем, – честно ответил д'Артаньян. – Но это не меняет дела. Завтра моя шпага должна сверкать, в ботфортах должны отражаться дома и прохожие, перо на шляпе обязано выглядеть самым пушистым и пышным в Париже, словом, если я не буду завтра выглядеть самым изящным кавалером в столице, я тебя продам туркам, а эти нехристи, проделав над тобою страшную хирургическую операцию, приставят тебя сторожить своих красавиц, но тебе эти нагие сарацинки уже будут совершенно безразличны... Марш!

Планше вышел в сопровождении Кати, уже чуточку успокоившейся и переставшей плакать, а д'Артаньян, допив остававшееся в бутылке, развалился в кресле и предался сладким грезам, плохо представляя, как он сможет спокойно прожить это астрономическое количество часов, минут и секунд, отделявшее его от завтрашнего дня.

Глава пятая

Нравы Сен-Жерменской ярмарки

Нельзя сказать, чтобы исполнились самые смелые мечты д'Артаньяна, но он и так был на седьмом небе от того, что уже достигнуто. Анна, в синем платье с кружевами, опиралась на его руку, он вдыхал аромат ее волос и духов, виртуоза новехонькой тростью с золотым набалдашником и яркими лентами, и, как ни было его внимание приковано к девушке, он все же подмечал многочисленные восхищенные взгляды, бросаемые на его спутницу гуляющими по сен-Жерменской ярмарке благородными господами, среди которых хватало знакомых, в том числе и тех, кто доселе знал кадета рейтаров д'Артаньяна исключительно как шалопаю, игрока, ночного гуляку и завсегдатая местечек с подозрительной репутацией.

Он видел, как у некоторых, еще не посвященных должным образом в суть недавних событий, взбудораживших весь Париж, форменным образом глаза вылезали из орбит, а нижняя челюсть стремилась оказаться как можно ближе к носкам ботфорт. И было отчего – нежданнонегаданно недавний вздорный и несерьезный юнец мало того, что прохаживался в обществе ослепительной красавицы, он еще и щеголял в красном плаще с серебряным крестом – одежда, после известных событий служившая вернейшим отличительным признаком победителей, к которым все вокруг относились с боязливым почтением...

Чутьочку напрягши воображение, можно было представить, что находишься в только что завоеванном городе, – повсюду лстивые улыбки, испуганные взгляды, иные разговоры поспешно прерываются при твоём приближении, люди словно стараются стать меньше ростом, а то и превратиться в невидимок, насквозь незнакомые субъекты наперебой спешат засвидетельствовать почтение, ввернуть словно бы невзначай, что они остаются вернейшими слугами и почитателями кардинала, его государственного ума, способностей и железной воли...

Как ни молод был д'Артаньян, ему это очень быстро стало надоедать: признаться по секрету, не из благородства чувств, а оттого, что все эти перепуганные лизоблюды – ручаться можно, добрая их половина краем уха слышала о заговоре еще до его разгрома и лелеяла определенные надежды, полностью противоречившие тому, что они сейчас говорили, – мешали разговаривать с Анной, любоваться ее улыбкой.

Он едва не цыкнул на очередного подошедшего дворянина, но вовремя его узнал, поговорил немного и вернулся к спутнице.

– Кто это? – спросила Анна.

– Мы случайно познакомились в «Голове сарацина», – сказал д'Артаньян. – Это шевалье де Карт. Получил образование в иезуитском колледже, а вот дальше жизнь у него как-то не складывалась – служил в армии, черт-те где, даже в Чехии. Он как-то спрашивал у меня совета, чем, на мой взгляд, ему следует заняться – оставаться на военной службе или заняться математикой. Мне кто-то говорил, что к этой самой математике у него большие способности, – ну, а то, что офицер из него никудышный, я и сам вижу. Я подумал, подумал, да и рассудил нашим здравым гасконским умом: коли у тебя к чему-то есть способности, этому и следует посвящать жизнь. Пусть даже это математика, в которой сам я, признаюсь, ничего не понимаю, разве что хорошо умею проверять трактирные счета... В общем, я его решительно направил на путь математики – вдруг да и получится что-то у юноши с этой самой цифирью, хоть и не дворянское это дело, ох, не дворянское... Я ему только посоветовал взять другое имя, какое-нибудь красивое. Ну как можно сотворить что-то заметное в этой их науке с таким-то именем – де Карт? собратья по науке его просто не запомнят, не говоря уж о будущих поколениях...

– Я вами восхищена, Шарль, – сказала Анна с серьезнейшим лицом. – Вы, оказывается, и в науках разбираетесь...

– Просто у нас, гасконцев, здравый и практичный ум, – сказал д'Артаньян убедительно. – Поэтому мы дадим толковый совет, о чем бы ни шла речь... – И тут его осенило. – Анна...

– Что? – спросила она с самым невинным видом.

– Вы вновь меня вышучиваете, – оказал д'Артаньян печально.

– Ничего подобного.

– Нет уж! я уже изучил эту вашу манеру – отпускать колкости с самым серьезным и невинным личиком... Правда, при этом оно остается столь же очаровательным, и это меня примиряет с любыми насмешками...

– Это опять те же самые признания?

– Да, – сказал д'Артаньян. – Да. Да, черт возьми! Мало того, сейчас я буду читать вам стихи!

– Вы?

– Я, – гордо сказал д'Артаньян и, не обращая внимания на окружающих, в самые патетические моменты помогая себе взмахами трости и огненными взорами, принялся декламировать:

– Я полон самым чистым из огней,
Какой способна страсть разжечь, пылая,
И безутешен – тщится зависть злая
Покончить с мукой сладостной моей.
Но хоть вражда и ярость все сильнее
Любовь мою преследуют, желая,
Чтоб, пламя в небо взвив, сгорел дотла я,
Душа не хочет расставаться с ней.
Твой облик – этот снег и розы эти –
Зажег во мне пожар, и виновата
Лишь ты, что, скорбный и лишенный сил,
Тускнеет, умирая в час заката,
А не растет, рождаясь на рассвете,
Огонь, горящий ярче всех светил...

– Чудесно, – сказала Анна. – Вы это сами сочинили?

На сей раз д'Артаньян не поддался на подвох, и мнимо простодушный взгляд Анны его нисколько не обманул.

– Ну что вы, – сказал он честно, – у меня так и не получилось ничего, кроме тех двух строчек, что я вам декламировал в Нидерландах. Я поднял на ноги всех книготорговцев Парижа...

– Говоря проще, вы зашли в книжную лавку – единственную, которую знали?

– Да, – сказал д'Артаньян, решив не лукавить и не преувеличивать, если только это возможно. – Хозяин показал мне несметное множество книг, но мне отчего-то приглянулись испанские поэты. Вот этот вот стих написал сеньор де Риоха. Королевский библиотекарь, чиновник инквизиции – и, вот чудо, пишет так красиво!

«Боже, сделай так, чтобы она не попросила продекламировать что-нибудь еще! – взмолился д'Артаньян к небесам. – я и эти-то четырнадцать строк заучивал наизусть чуть ли не всю ночь, так что даже Планше запомнил...»

– Вы делаете успехи, Шарль, – сказала Анна в своей обычной манере, когда нельзя было понять, насмехается она или говорит серьезно. – Вы наставляете на путь истинный будущих математиков, без запинки читаете на память стихи, забросили дуэли – всего в каких-то двадцати шагах от вас прошел мушкетер короля, а вы и не заметили такого прекрасного повода... Должно быть, и в квартал Веррери почти не ходите?

– Я туда вообще не хожу больше.

– Вот видите, я права. скоро вокруг головы у вас появится первое робкое сияние, и вы станете святым Шарлем... Ну, не сердитесь. Я совсем не жестокая, просто вы так уморительно надуваете щеки, когда я над вами подшучиваю... – она сменила тон, произнесла тише и гораздо серьезнее: – Вам не кажется, что этот человек следит за нами? Он все время держится сзади, на некотором отдалении... Только не оборачивайтесь резко!

Д'Артаньян постарался бросить взгляд назад как можно незаметнее, сделав вид, что его внимание привлекла зазывала одного из увеселительных балаганов. Закутанная в длинный плащ фигура с низко надвинутой на глаза шляпой показалась ему определенно знакомой, но гасконец так и не смог понять, кто это. А там загадочный незнакомец и вовсе пропал с глаз, замешавшись в толпе. Но поскольку чужие опасения заразительны, самому д'Артаньяну стало казаться, что трое молодчиков с длинными рапирами на боку не просто прохаживаются, а именно следят за ним и его спутницей. Чем дальше, тем больше ему становилось не по себе – уже мерещилось, будто эти молодчики обмениваются с кем-то условными знаками...

– Давайте уйдем отсюда, – сказал он в конце концов, злясь на себя за столь глупые страхи.

– Давайте...

Д'Артаньян собирался повести спутницу по улице Задиристых мальчиков, но едва они вышли в ворота на улицу Турнель, как обнаружилось, что троица движется следом с внушающим подозрение постоянством. Д'Артаньяну пришло в голову, что он, быть может, вовсе не переусердствовал в подозрениях...

Чтобы увериться, он незаметно замедлил шаг. Троица сделала то же самое – а потом они, переглянувшись, быстрой походкой направились вперед, и один из них, самый высокий, громко спросил:

– Сударь, можно спросить?

– Бога ради, – ответил д'Артаньян настороженно, уже прикинув, как именно будет направлен первый удар шпагой.

– если вы уже вдоволь позабавились с этой белобрысой шлюшкой, может, уступите ее нам? если, разумеется, она берет недорого. Или вы ей заплатили за весь день?

Кровь бросилась гасконцу в лицо, но он героическим усилием воли не поддался безудержному гневу. Троица не походила на дворян – а ведь они были не в кварталах Веррери и не на улице Сен-Пьер-о-Бёф, то есть отнюдь не в тех местах, где головорезы неведомого происхождения среди бела дня готовы надерзить и королю... Место довольно приличное, таким следовало бы вести себя потише, быть понезаметнее. Ох, неспроста...

– Ну, что скажете, сударь? – не отступал высокий. – Моим друзьям тоже хочется задрать подол этой шлюхе, нельзя же быть таким эгоистом, чурбан вы провинциальный! Тут, знаете ли, Париж, а не ваша навозная куча, из которой вы родом. Эй ты, девка! сколько обычно берешь?

И плащ, красный плащ гвардейцев кардинала! сейчас нужно быть безумцем, чтобы задрать мушкетера его высокопреосвященства чуть ли не в центре Парижа, среди бела дня. Безумцем или...

– Немедленно уйдемте отсюда, – быстрым шепотом проговорила Анна.

Он и сам уже уверился, что дело нечисто. И примирительно сказал:

– Сударь, сдается мне, вы выпили чуточку больше, чем следовало. Лучше бы вам идти своей...

Шпага высокого вылетела из ножен столь молниеносно, что кто-то другой на месте д'Артаньяна мог бы этого и не увидеть – или заметить слишком поздно. Но гасконец с быстротой молнии выхватил свою.

И едва не совершил крупную ошибку: он ждал, что удар будет нанесен ему – и приготовился его отразить со всем возможным умением...

Однако острое, сверкая на ярком солнце, устремилось прямо в грудь Анне, туда, где сердце...

Осознав это в самый последний миг, д'Артаньян сделал фантастический пируэт, с невероятной быстротой изменив тактику и направление ответного удара. Другому это могло бы и не удастся, но гасконец был молод, а потому проворен и ловок, словно дикая кошка.

Его клинок пронзил ладонь высокого наглеца, и тот выронил шпагу, взыв от невиданной боли.

– Шарль! – отчаянный вскрик Анны заставил его развернуться влево, в ту сторону, откуда подбегали еще четверо – напористо, решительно, без малейших колебаний, все совершенно трезвые на вид, вооруженные не только шпагами, но и дагами...

«совсем скверно», – успел подумать д'Артаньян.

А потом и думать стало некогда – нужно было горы свернуть, из шкуры вон вылезти, но ухитриться остаться в живых, потому что его смерть, он убедился, означала смерть и для нее...

Дуэлью, разумеется, и не пахло, какой там кодекс чести... Понукаемые командами высокого – он торопливо заматывал краем плаща кровоточащую руку, оставшись на прежнем месте, – шестеро ринулись на д'Артаньяна. схватив девушку за руку, он буквально забросил ее в тупичок слева, а сам загородил туда дорогу, свободной рукой торопливо срывая с себя плащ.

Тот, кто всю жизнь – пусть и короткую – прожил на границе с Испанией, обучился кое-каким тамошним ухваткам, безусловно недопустимым в поединке меж двумя благородными господами, но вполне уместным, когда схватиться с гнусными злодеями...

– Каррамба! – заорал д'Артаньян поневоле пришедшее на ум испанское ругательство.

За спинами нападавших мелькнули чьи-то испуганно-любопытные рожи, самого простояродного обличья, – ну конечно, в Париже достаточно любого пустяка, чтобы сбежались зеваки...

Плохо, что красный форменный плащ так короток. Длинный пригодился бы гораздо больше, но ничего не поделаешь, постараемся управиться с тем, что есть...

Улучив момент, д'Артаньян накинул плащ на голову ближайшему, рванул его на себя, заставив потерять равновесие. Шпага злодея на миг косо опустилась к земле, коснувшись ее острием, – и гасконец вмиг переломил ее сильным ударом ноги, а потом, увернувшись от вслепую рассекавшего воздух клинка даги, вцепил коленом прямо в физиономию врага, отчего тот с диким воплем опрокинулся и надолго выбыл из схватки.

Д'Артаньян взмахнул плащом перед лицом другого, прикрывая им шпагу так, чтобы противник ее не видел, – и угодил мерзавцу острием пониже шеи, в ямку меж ключицами: тут не до благородных церемоний...

Четверо ожесточенно напирала на него, мешая друг другу. Над самым плечом гасконца просвистел небольшой стилет, прилетевший из тупичка, – некому было его бросить, кроме Анны... Он не нанес противнику особенного урона, упал наземь, но один подонок от неожиданности отшатнулся, и д'Артаньян успел пустить ему кровь, хлестнув клинком по щеке. Увы, раненый остался в строю, только разъярился еще пуще...

Отбросив ложный стыд, д'Артаньян заорал во всю глотку, отбивая удары и уворачиваясь:

– Ко мне, гвардейцы кардинала!

Обмотав левую руку плащом, он отбивал ею удары, как щитом, вертясь волчком, приседая и уклоняясь. Убийцы наседали, подбадривая друг друга яростными воплями. Что-то твердое коснулось левого бока – но д'Артаньян так и не понял в горячке схватки, зацепили его или нет, а осматривать себя было бы самоубийством, нельзя терять ни мгновения зря...

Он понимал, что так не может продолжаться до бесконечности, что рано или поздно... И орал во всю глотку все тот же призыв, не видя ничего, кроме метавшихся перед ним стальных клинков, – уже казалось, что их неисчислимое множество, они сливались в зловещую паутину, все труднее становилось их отбивать...

– Бей!

– Вперед, гвардия!

– Да здравствует кардинал!

– Улю-лю, граф! Вперед!

Переулок наполнился людьми столь внезапно, что показалось, будто они свалились с ясного неба. Но это были вполне земные создания – мушкетеры в красных плащах, какие-то оскаленные усачи в обычном платье, звенели шпаги, послышался чей-то отчаянный, предсмертный вопль, так кричат только перед смертью...

Проморгавшись и переведя дух, д'Артаньян ринулся вперед – и успел-таки достать острием левый бок противника. Об остальных уже не стоило беспокоиться – один успел спастись бегством, как и раненый главарь, но двое других, осыпаемые ударами шпаг, уже переселились в мир иной без исповеди и покаяния...

Оглянувшись на Анну – жива, конечно, цела и невредима, только бледна, – д'Артаньян медленно вложил шпагу в ножны и, стараясь держаться уверенно, сказал:

– Черт возьми, граф! Вы, право, подоспели вовремя...

– Очень похоже, – шумно выдыхая воздух, отозвался граф де Вард. – Вы не пострадали, миледи? Прекрасно. Мы с Каюзак, понимаете ли, сидели в «Деве Арраса» поблизости от ворот ярмарки, попивали анжуйское и горевали, что день проходит так скучно, – как вдруг в добром количестве набегали парижане и стали орать, что в тупичке убивают гвардейца кардинала... Мы мгновенно воспрянули духом, прихватили попавшихся по пути знакомых и помчались посмотреть, кому это там не нравится красный плащ среди бела дня... Жаль только, что все удовольствие длилось так недолго...

– В самом деле, – грустно сказал рослый Каюзак. – Они даже не все дрались, кое-кто сразу кинулся бежать. Ну ничего, одному такому трусу я так поддал ногой, что он, клянусь моими трактирными долгами, остановится где-нибудь в Брюсселе, не раньше...

– Вы хотите сказать, что живых не осталось? – встрепенулся д'Артаньян. – И вы отпустили его живым?

Каюзак пожал плечами:

– Живым – да, но после моего доброго пинка он еще долго будет существовать стоя...

– Эх! – досадливо воскликнул д'Артаньян. – Нужно было захватить хотя бы одного, нашлось бы, о чем его порасспросить...

– О чем можно расспрашивать такую мразь? – недоуменно уставился на него Каюзак, одаренный незаурядной силой, честно говоря, в некоторый ущерб уму.

Граф де Вард, наоборот, сразу заподозрил неладное.

– Каюзак, займитесь дамой, она вот-вот упадет в обморок, – быстро распорядился он и отвел гасконца в сторонку – Д'Артаньян, вы хотите сказать, что это была не простая уличная стычка?

– Уверен, – сказал д'Артаньян столь же тихо. – Они шатались и притворялись пьяными, но от них совершенно не пахло вином, они пытались оскорбить меня так, что этого не вынес бы ни один дворянин, они определенно следили за нами на ярмарке... Черт, кто же это был такой, закутанный в плащ? В голове вертится...

Только теперь он оценил в должной мере предупреждения кардинала, которыми столь неосмотрительно пренебрег. Оглянувшись на Анну – и содрогнулся от ужаса при мысли, что с ней могло произойти нечто страшное. Погибни она, следовало и самому умереть немедленно, чтобы не корить себя потом всю оставшуюся жизнь...

Но она была жива, и от радости д'Артаньян даже махнул рукой на то, что новехонький плащ гвардейца кардинала, обошедшийся ему в двадцать пистолей, был измят и испачкан, хоть выбрасывай.

Анна подошла к нему вплотную, ее огромные синие глаза были прекрасными и совершенно сухими.

– Вы уже второй раз спасаете мне жизнь, Шарль, – сказала она едва слышно.

– Какие пустяки, милая Анна, – сказал д'Артаньян, ощущая невероятную усталость и стыд за свое легкомыслие. – Готов проделывать то же самое хоть тысячу раз. Испанец прав – я полон самым чистым из огней... Я люблю вас, пусть даже вы никогда не ответите на мои чувства. Позвольте мне любить вас, вот и все...

Сейчас его совершенно не волновало, слышат их окружающие или нет.

Глава шестая

Два гасконца

Самым трудным вопросом, который пришлось решать д'Артаньяну перед визитом к де Тревилю, был и самый короткий: как одеться?

Появление в штаб-квартире королевских мушкетеров – или, говоря откровеннее, в логове врага – в красном плаще с серебряным крестом, без сомнения, могло быть воспринято как вызов. Гасконец прекрасно помнил, сколько «синих плащей» обреталось во дворе и в доме. Невозможно выдумать более простого и действенного повода для дуэли – точнее, многочисленных дуэлей. Вызовом это могло показаться и самому де Тревилю, а меж тем д'Артаньян вовсе не собирался с ним ссориться без весомейших на то причин – неловко чуть-чуть ссориться со старым другом отца по пустякам...

С другой же стороны... Как-никак он был гвардейцем кардинала. Появиться у де Тревиля в обычной своей одежде, не обремененной явными признаками принадлежности к роте, – все равно, что показаться переодетым. Это могло быть воспринято как трусость...

Он долго размышлял, взвешивая все «за» и «против» насколько мог хладнокровно. И в конце концов решил: будь что будет, а пойдет он в форменном плаще. Каковой тут же и надел, бормоча под нос:

– Провались они пропадом, мушкетеры короля, сколько их ни есть. Ломай еще из-за них голову...

Планше с мушкетом шагнул позади – на сей раз д'Артаньян уяснил, что поучения кардинала весьма отличаются от наставлений госпожи де Кавуа: если вторые можно при некоторой ловкости обходить, пользуясь чисто формальными предложениями либо непредусмотрительностью Мирей, то с первыми так поступать не стоит. Кардинал никогда не воюет с приказами и не предупреждает зря...

К некоторому его удивлению, знакомый двор был пуст, отчего показался и вовсе огромным. Оставив Планше у крыльца, д'Артаньян поднялся по лестнице – тоже пустой, как мир божий в первый день творения, – и оказался в пустой приемной.

«Это неспроста, – проницательно подумал гасконец, уже знакомый с царившими в особняке нравами. – Мне достоверно известно, что тут, что во дворе, что в приемной, всегда толкуются господа мушкетеры. В это время дня их остается гораздо меньше, но все равно никогда дом де Тревиля не бывал настолько пуст, словно тут совсем недавно прошла «черная смерть» или другая какая-нибудь зараза, выкашивающая людей под корень. Он нарочно всех удалил, без сомнения. Что же, д'Артаньян, держим ухо востро? Париж способен испортить даже гасконцев, такой уж это город...»

Послышались тихие шаги. Навстречу ему вышел тот самый раззолоченный лакей, что в первый визит сюда д'Артаньяна отнесся к нему с откровенным пренебрежением, на которое слуги царедворцев такие мастера. Однако на сей раз ничего подобного не было и в помине: слуга проворно согнулся в почтительном поклоне и, не дожидаясь вопросов, поторопился сообщить:

– Вашу милость ожидает господин граф, он велел немедленно провести вас к нему...

«Прах меня побери! – подумал д'Артаньян. – Перемены налицо, и какие разительные! я уже не „сударь“, а „ваша милость“, и со мной не сквозь зубы разговаривают, а со всем возможным почтением...»

– По-моему, мы с вами уже встречались, любезный? – не удержался он. – В этой самой приемной?

– Извините великодушно, ваша милость, не припоминаю...

– Ну как же, – сказал д'Артаньян, пряча ухмылку. – я-то вас хорошо помню, милейший. Правда, тогда я выглядел несколько иначе...

– Простите, ваша милость, но...

– Ладно, ладно, – сказал д'Артаньян, непринужденно похлопав его по плечу. – Нас тут столько бывает, что немудрено и запаямтовать... Вы мне кажетесь дельным слугой, старина, вот вам за труды...

И он двумя пальцами опустил в ладонь раззолоченного лакея медный каролюс¹⁴, заранее припасенный для этой именно цели и для этого именно лакея, – почти стершийся, почти никчемный...

Лакей определенно был обижен не на шутку столь жалкой «благодарностью» – и, вполне возможно, понял издевку, но с принужденной улыбкой поспешил поблагодарить по всем правилам, и д'Артаньян окончательно уверился, что де Тревиль весьма даже тщательно готовил их сегодняшнюю встречу...

Он поднялся из-за стола навстречу д'Артаньяну и вежливо пригласил:

– Садитесь, дорогой друг. Я рад вас видеть...

– Я тоже, – сухо сказал д'Артаньян, усаживаясь и старательно расправляя складки плаща.

Де Тревиль показался ему угнетенным тяжелыми раздумьями, что в свете недавних событий было неудивительно...

– Как ваши дела?

– Благодарю вас, – сказал д'Артаньян. – Не будь я суеверным и осторожным, как любой гасконец, я употребил бы, пожалуй, слово «блестяще» – но все же поостерегусь... Дела неплохи, – и он вновь демонстративно разгладил плащ – другой, новенький, полученный от капитана де Кавуа.

– Да, я слышал, вы были приняты королем, и его величество высоко оценил ваши заслуги...

– Его величество каждому воздает по заслугам, – сказал д'Артаньян. – Не зря его называют Людовиком справедливым. Можно ли осведомиться, какая награда ждала вас, господин граф?

– Простите?

С простодушнейшим видом д'Артаньян сказал:

– Ну как же! Вы не могли не получить своей награды! Вы ведь в этой дурно пахнущей истории, несомненно, выступали на стороне его величества, против врагов и заговорщиков...

Говоря это, он прекрасно знал: единственной наградой, которую получил участник заговора де Тревиль, было то, что король повелел оставить его в покое и не преследовать вместе с остальными.

– Вы стали жестоки, д'Артаньян, – тихо сказал де Тревиль.

– Что поделать, – ответил д'Артаньян серьезно. – В последнее время жизнь меня не баловала добрым отношением – постоянно пытались убить то меня, то моих друзей, то женщину, которую я люблю... смешно думать, что после такого в характере не появится некоторая жестокость. Но, право же, я никогда не начинал первым... У вас ко мне какое-то дело, господин граф?

Тревилю долго смотрел на него словно бы в некоторой нерешительности, что было довольно странно для опытного царедворца, лихого бретера и старого вояки. Потом медленно произнес:

¹⁴ **Каролюс** – медная монета чеканки короля Карла VIII (1483–1498), была в обращении во Франции до конца XVIII века, как и некоторые другие монеты предыдущих царствований.

- Вы поставили меня в сложнейшее положение, д'Артаньян...
- Соболаговолите объяснить, почему. Каким образом? сам я, слово чести, не прилагал к этому ни малейших усилий...
- Давайте поговорим без ненужной дипломатии, безо всяких уверток, – сказал де Тревиль. – Излишне уточнять, что все сказанное останется достоянием только нас двоих...
- Я никогда не сомневался в вашем слове, граф. Что бы ни произошло...
- Благодарю... – сказал де Тревиль, на лице которого по-прежнему отражалось тягостное раздумье. – Так вот, д'Артаньян, вы, нисколько того не желая, поставили меня в сложнейшее положение, крайне затруднительное... Что греха таить, при дворе существуют различные партии, и я принадлежу к одной из них. Я назвал бы ее партией короля, но вы, сдается мне, уже достаточно осведомлены о некоторых качествах нашего властелина, делающих его, выразимся так, не похожим на иных предшественников и вряд ли способного возглавлять те или иные партии достаточно последовательно и упорно. Поэтому...
- Поэтому ближе к истине будет, если мы назовем эту партию партией королевы...
- Вы правы, – кивнул де Тревиль. – Так вот, борьба, как вы сами убедились, ведется суровая, и в ней сражаются отнюдь не павлиньими перьями, сплошь и рядом не соблюдают правил чести и конечной целью видят смерть противника, которой следует добиваться любой ценой...
- Я уже столкнулся с этим милым обыкновением, – сказал д'Артаньян.
- Я знаю. Тогда вы, наверное, поймете, в чем щекотливость моего положения? Как старый друг вашего отца, я не могу причинить вам вреда. Как член одной из партий, я обязан содействовать разгрому партии противостоящей. И ради вас, какие бы я ни питал к вам чувства, я не могу пренебречь своим долгом, своими обязательствами перед известными лицами...
- Я все прекрасно понимаю, – кивнул д'Артаньян. – Но разве я просил вас о снисхождении? Черт побери, я его от вас и не приму! В конце концов, я – не малое дитя и совершенно сознательно выбираю свою дорогу!
- Это достойный гасконского дворянина ответ, – произнес де Тревиль удрученно. – Но попробуйте представить, какие душевные терзания меня ждут, если когда-нибудь придется...
- Что вас больше волнует – моя участь или собственное душевное спокойствие?
- Положительно, д'Артаньян, вы слишком быстро повзрослели...
- Это все Париж, – сказал д'Артаньян. – Такой уж это город, тут взрослеют быстро, потому что жизнь не знает ни снисхождения, ни благодушия по отношению ко всем нам...
- Я мог бы вам помочь.
- Каким образом? – с любопытством спросил д'Артаньян.
- Вы совсем молоды, и вас никак нельзя назвать закосневшим сторонником кардинала, и никак нельзя сказать, что вы бесповоротно отрезали себе дорогу к отступлению...
- Черт побери, что вы понимаете под отступлением? – взвился д'Артаньян. – я сроду не отступал и не собираюсь этому учиться!
- Простите, я неточно выразился, – примирительно произнес де Тревиль. – Пожалуй, следовало бы сформулировать иначе.... Вам еще не поздно расстаться с прежними заблуждениями, исправить те ошибки, что вы совершили по юношеской горячности. Я выражаю не собственные мысли... то есть не только собственные мысли, но и намерения известных лиц...
- Проще говоря, ее величества?
- Ну хорошо, хорошо... – поморщился де Тревиль. – Без всякой дипломатии... Вот именно, ее величества. Был разговор... ее величество осознает, что вы – еще совсем молодой человек с неустоявшимися взглядами и убеждениями. Королева готова помочь вам выбрать

правильную дорогу. Черт побери, вы зарекомендовали себя сильным и опасным человеком, а с такими сплошь и рядом торгуются. Вам, моему земляку, повезло, быть может, еще сильнее, чем мне: с вами готова торговаться сама королева Франции. Право же, это большая честь!

– Не спорю.

– Вы готовы?

– Выслушать я всегда могу... Меня от этого не убудет.

– Отлично, – сказал де Тревиль со вздохом облегчения. – ее величество предлагает вам оставить нынешнюю, совершенно не подходящую для вас компанию и перейти на ее сторону. ей нужны такие люди, как вы. Одно ваше слово – и вы выйдете из этого кабинета гвардейцем мушкетеров короля. Я, со своей стороны, клянусь чем угодно, что прежние недоразумения будут сглажены, прежняя рознь забыта и я приложу все силы, чтобы покровительствовать сыну моего старого друга. Вы далеко пойдете и подниметесь гораздо выше, чем мог бы вас поднять кардинал. Чересчур опасно полагаться на министра, на временщика...

– Ну, а как быть, если этот временщик служит Франции?

– Мы все служим Франции, д'Артаньян...

– В самом деле? – усмехнулся гасконец. – странные кое у кого представления о благе Франции, господин граф... считается совершенно естественным ради блага Франции вступать в заговоры с иностранными державами, принимать у них золото и оружие, обещать им пограничные крепости и города, готовить убийство министров и даже самого короля...

В глазах де Тревиля сверкнула молния:

– Следите за выражениями, д'Артаньян! я не замешан ни в чем подобном!

– Не сомневаюсь, – сказал д'Артаньян. – Но другие все это проделывали... и, боюсь, проделают еще не раз. Более того, ваше благородство служит той ширмой, за которой вольготно разместились менее благородные помыслы. Знаете, совсем недавно мне довелось столкнуться со случаем, когда карточные мошенники из квартала Веррери устроили притон в доме одного старого и благородного дворянина с наилучшей в свете репутацией. Он служил им именно такой вот ширмой, за которой очищали карманы глупцов с помощью фальшивых козырей и налитых свинцом костей... Господин граф, вы знаете герцогиню де Шеврез и герцога Анжуйского... впрочем, уже Орлеанского, гораздо лучше меня. Неужели вы всерьез верили, что эти люди движимы исключительно благородной целью избавить государство от негодяя Ришелье? Что они будут рисковать всем, что имеют, ради того, чтобы вздохнули свободно благородные люди вроде вас? Вы искренне полагаете их бескорыстными благодетелями?

На лице де Тревиля отражались досада, горечь, неловкость.

– Д'Артаньян, вы еще не искушены в политике, – сказал он, на миг опустив глаза. – Вы плохо понимаете, что порой приходится идти на союз с людьми, быть может, и не вполне достойными, но стремящимися к тем же целям... Такова политика...

– Да провались она ко всем чертям, ваша политика! – закричал д'Артаньян, уже не сдерживаясь. – А если бы мы опоздали и они убили бы короля?! В жизни не поверю, что вы с такой же преданностью служили бы королю Гастону... или королю Бекингэму! Черт побери, де Тревиль, неужели эта ваша политика разрешает сидеть в дерьме по самые уши, милуясь с откровенными подонками?!

– Говорите тише! – воскликнул де Тревиль. – И у стен есть уши...

– Вот она, ваша политика, – тихо продолжал д'Артаньян, грустно кривя губы. – Вы боитесь говорить откровенно в собственном кабинете, в собственном доме...

– Да поймите, мы ни за что не допустили бы того финала, о котором вы упомянули...

– Ах, как все вы чисты и решительны, – усмехнулся д'Артаньян. – Ну, а если другие заранее предусмотрели, что вы не одобрите иных крайностей, и приняли свои меры, чтобы

заставить вас замолчать навсегда? Вы уверены, что за спиной у вас не было человека, готового вонзить вам нож в сердце? Что же вы молчите, граф? У некоторых персон были свои персональные убийцы, готовые подправить жизненные и политические планы вышеозначенных персон...

Де Тревиль посмотрел на него с такой затаенной болью, что д'Артаньян на миг преисполнился жалости и сочувствия, но только на миг. В конце концов, слишком серьезными и кровавыми были дела, чтобы поддаваться обычному человеческому сочувствию, и причина не в черствости, отнюдь, – скорее уж в верности и долге...

– Ваше молчание красноречивее любых слов, граф, – тихо произнес д'Артаньян. – В глубине души вы, быть может, прекрасно отдаёте себе отчет, во что ввязались, согласившись на эту вашу политику...

– Довольно! – воскликнул де Тревиль. – я не нуждаюсь в сочувствии мальчишки, романтического и наивного!

– Пару минут назад вы называли этого мальчишку жестоким и в одночасье повзрослевшим...

Де Тревиль уже совершенно овладел собой. Он сказал холодно:

– Оставим эти словесные игры, д'Артаньян. Поговорим лучше о моем предложении.

– Вряд ли в этом есть особенная нужда, – решительно сказал д'Артаньян. – я вынужден его отклонить без особенных раздумий. Поверьте, граф, тут нет ничего от юношеской скоропалительности, я все обдумал гораздо раньше... Понимаете ли, это очень просто объяснить. Помните, как я явился к вам, растерянный, чужой в Париже, не знающий никого и ничего? Вы изволили отвергнуть меня. О, поверьте, я нисколько не обижаюсь на вас, вы были правы, вы поступали так, как подсказывало разумение и опыт... Повторяю, у меня нет ни обиды, ни мстительности – в конце концов, никто не обязан верить явившемуся неизвестно откуда пришельцу без единой рекомендательной строчки, к тому ж с ходу взявшегося вам жаловаться на ваших лучших людей... Так что вы были совершенно правы. Но, видите ли... Нашлись и другие. Они приняли меня в свои ряды, не ища никаких особенных выгод, без далеко идущих целей. Попросту приняли во мне участие, не требуя ничего взамен, любой человек был бы глубоко благодарен за столь доброе отношение, но не в одной благодарности дело, вернее, уже не в благодарности. За это время я стал там своим, вы прекрасно понимаете, где... Я дрался вместе с ними, их цели – мои цели, их задачи – мои задачи, я к этому пришел своим умом, без принуждения и подсказки. Теперь уже вы поймите мое положение. Так сложилось, что все мои друзья – там, а все мои враги – здесь. Меня дурно приняли бы «синие плащи», а «красные» совершенно справедливо посчитали бы перебежчиком и предателем. Все, что я мог бы еще вам сказать, господин граф, пожалуй, заключается в единственном слове – поздно. Ваше предложение запоздало. Было время, когда я принял бы его, себя не помня от искренней и горячей благодарности, и почитал бы вас единственным на свете благодетелем. Но не теперь. Вы опоздали, граф... Я не могу предать своих друзей, единомышленников, тех, кто не далее как сегодня спас мне жизнь и кое-что ещё, что, быть может, важнее моей ничем не выдающейся жизни. Я не могу предать кардинала, потому что служу ему искренне, я понимаю, чего он хочет, и готов в этом сопутствовать...

Де Тревиль долго молчал, глядя на него с непонятным выражением лица. странное дело, но д'Артаньян отчего-то почувствовал жалость к этому сильному и незаурядному человеку. В некотором смысле оба они были обречены поступать так, а не иначе – ни честь, ни жизнь, ни судьба не оставляли им другого выбора, и было мучительно больно это осознавать.

– Д'Артаньян, д'Артаньян... – произнес наконец де Тревиль с неподдельным сожалением. – Ну что же, переубедить я вас не могу. Вы поступаете совершенно правильно... но, быть может, делаете ошибку. Как дворянин я восхищаюсь вами, но как верный слуга ее

величества вынужден заметить, что вы поступаете крайне неосмотрительно, и это повлечет самые губительные последствия для вашей карьеры.

– Как знать, господин граф, – сказал гасконец. – Как знать...

– Могу вам пообещать одно: лично я никогда не стану ничего умышлять против вас. Но и воспрепятствовать ничему не смогу, в силу взятых на себя обязательств я даже не смогу хотя бы один-единственный раз предупредить вас, если мне что-то станет известно... Вам угрожает нешуточная опасность, вам многого не простят.

– Ну, это мне уже известно, – сказал д'Артаньян. – Что же, спасибо и на том... В сущности, господин де Тревиль, в нашем с вами положении нет ничего нового. Мы с вами всего-навсего смотрим на одно и то же с двух разных точек зрения. Вы давненько не бывали в Гаскони, но, без сомнения, помните, что мы, гасконцы, называем примыкающий к нашей стране залив Гасконским, а наши соседи, испанцы, именуют его Бискайским. Но сам залив – один и тот же. То, что его именуют двумя разными названиями, решительно ничему не мешает и ничего не меняет – те же волны, приливы и отливы, бури и корабли...

И он решительно поднялся, раскланявшись со всей возможной грацией.

– Вы обдумали все? – спросил де Тревиль, тоже поднявшись из-за стола.

– Не сегодня, граф, – сказал д'Артаньян. – Отнюдь не сегодня. У меня было достаточно времени, честное слово.

– Берегитесь. Это все, что я могу вам сказать.

Д'Артаньян, уже повернувшийся было к двери, остановился и, поколебавшись, ответил:

– Право же, господин де Тревиль, я могу от чистого сердца посоветовать вам то же самое. Движимый столь же дружескими чувствами, что и вы...

– Мы более не можем оставаться друзьями.

– Я понимаю. Но ничего не могу изменить, господин граф. В конце концов, мы оба гасконцы и прекрасно понимаем, что иного поворота событий нельзя было и ожидать в данных условиях... Всего наилучшего!

С этими словами д'Артаньян решительно вышел из кабинета, не оглядываясь и стараясь не поддаваться охватившей его смертной тоске, – невероятно тяжело осознавать, что гасконцы способны в одночасье сделаться врагами...

Глава седьмая

Цена головы

К некоторому облегчению д'Артаньяна, за время его отсутствия ни с верным Планше, ни тем более с лошадьми ничего не произошло. Планше дожидался его на огромном вымершем дворе, расхаживая с мушкетом наперевес и зорко озираясь, как примерный часовой.

– Ах, сударь! – воскликнул он с облегчением. – столько я тут передумал... Двор пустой, смеркается, всякая чушь в голову лезет...

– Успокойся, Планше, – сказал д'Артаньян задумчиво, беря у него поводья. – Мы приятно поговорили с господином капитаном королевских мушкетеров, только-то и всего...

«если не считать, что королева Франции теперь рассердится на меня еще пуще, – подумал он, вскакивая в седло. – Но об этом не стоит говорить моему славному малому – он, конечно, парень верный, но далеко не всякий отважится и далее служить человеку, которого ненавидит сама королева Франции...»

Когда он поставил лошадь в конюшню и направлялся ко входной двери в неотступном сопровождении Планше с мушкетом, навстречу ему двинулся от тумбы ворот молодой человек в кожаном камзоле и шляпе с пушистым белым пером – наряде, который сам д'Артаньян носил совсем недавно. Правда, гвардеец этот ему был положительно незнаком.

Учитывая все сегодняшние события, нет ничего странного в том, что д'Артаньян, держа руку поближе к шпаге, окинул улицу подозрительным взглядом, но нигде не увидел притаившихся злодеев, никто не торопился нападать на него скопом, вечерняя улица была на удивление тиха, безмятежна и пуста...

– Я имею честь видеть шевалье д'Артаньяна? – спросил незнакомец, кланяясь со столичной непринужденностью.

– Совершенно верно, сударь, – вежливо ответил гасконец, не переставая, впрочем, зорко озирать улицу. ему не понравилось, что молодой человек держался столь скованно и напряженно, что это ощутил бы и менее чуткий человек, не говоря уж о д'Артаньяне, чьи нервы были напряжены до предела...

– Мое имя шевалье де Невилет, – сообщил незнакомец, беспокойно озираясь. – У меня к вам чрезвычайно важное дело, которое не терпит отлагательства... Мы можем подняться к вам?

– Разумеется, – сказал д'Артаньян. – Прошу вас, сударь, идите вперед...

Он смотрел в оба, но, оказавшись на лестнице, умерил подозрительность – уж с одиноким злоумышленником, да еще у себя дома, где, как известно, и стены помогают, он как-нибудь справится. Шпага при нем, на стене висит целая коллекция трофейных, есть заряженные пистолеты, поблизости верный Планше...

– Вина? – предложил д'Артаньян на правах радушного хозяина.

– Не откажусь, сударь...

Молодой человек единым махом осушил свой стакан – с видом не закоренелого пьяницы, а опять-таки крайне взволнованного человека.

– Выпейте еще, – сказал д'Артаньян непринужденно. – Мне чудится, любезный де Невилет, или вы в самом деле чем-то ужасно расстроены? Ба, да вы места себе не находите...

– Вы правы, – с принужденным смешком признался странный гость. – Даже не знаю, с чего начать...

– Знаете что? – спросил д'Артаньян. – Начните с самого начала. Это, право же, отличнейший способ, дальше все пойдет, как по писаному, можете мне поверить... Великолепный способ, я его давненько предпочитаю всем прочим... Черт побери, начните же с начала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.